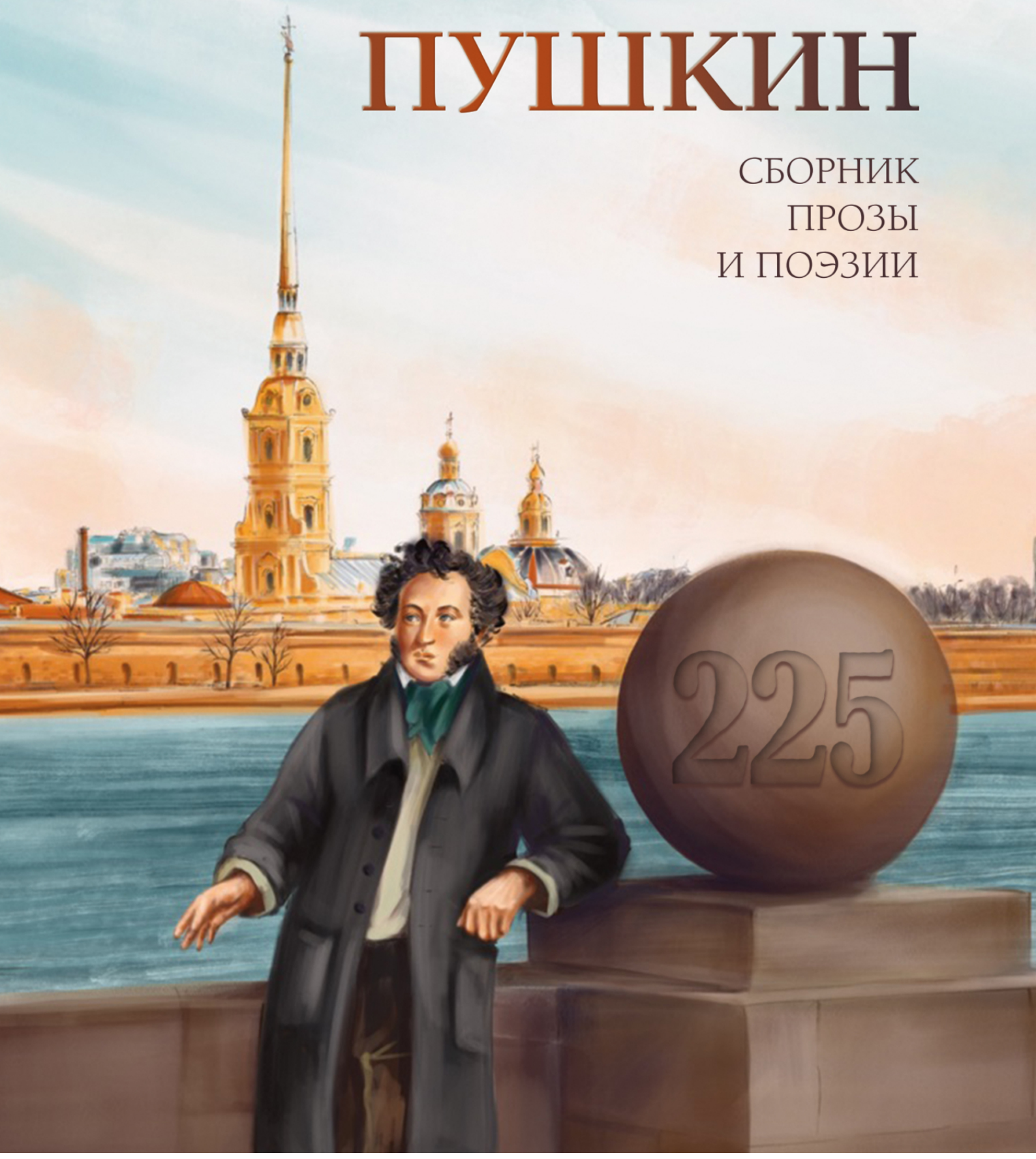

ВЕЛИКИЙ ПУШКИН

СБОРНИК
ПРОЗЫ
И ПОЭЗИИ

АНТОЛОГИЯ
Великий Пушкин

Издательство «Четыре»

2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Антология

Великий Пушкин / Антология — Издательство «Четыре», 2024

ISBN 978-5-907843-02-8

Новый сборник посвящён 225-й годовщине со дня рождения поэта. Столько не живут, но столько помнят. Даже спустя века любой человек открывает в стихах Пушкина что-то, ранее ускользавшее от взгляда. Пушкин использовал в своём творчестве «низкий» и «высокий» стиль, народный фольклор, писал стихи и прозу – всё это даёт возможность проявить дань уважения к Поэту приверженцам разных литературных жанров. Поэтому и в нашем сборнике объединены разноплановые произведения. Авторы стремятся сохранить «душ высокое стремленье» и не утратить желание «глаголом жечь сердца людей».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907843-02-8

© Антология, 2024

© Издательство «Четыре», 2024

Содержание

Не дать остыть душе поэта!	6
Валерия Афонина	8
На дне	9
Voce viva	10
Пламя	11
Patheticus	12
Волшебство зимы	13
Наталья Бабочкина	14
Не быть мне больше молодой	16
И мне ей верится	17
В чертогах Евтерпы	18
Ангел-хранитель	19
Девятый вал	20
Верьте в невозможное	21
Жизнь проносится мгновеньем	22
Родные	23
Белая Ворона	24
Ключи от чужого счастья	25
Строка незваная	26
Не говори...	27
А знаешь...	28
Опять мне зима...	29
Надо выстрадать	30
Два жизненных крыла	31
Науму Коржавину	32
Спасибо тебе...	33
Бусы	34
Упала осень нам на плечи...	35
Творец	36
Душа настроена на лучшее	37
Смысл судьбы	38
Лужицы, прихваченные инеем	39
Кровинки	40
А радость...	41
Разучились...	42
В ожиданьи лучшего	43
До новой строчки	44
Подруга осень	45
Артём Бернгардт	46
Вилена Брусникина	59
А. С. Пушкин	60
Позови...	61
Тишина	62
Сад падающих звёзд	63
Послевкусие	64
Росток	65

Рождённая женщиной	66
Хранительница бед	67
Мир в голове	68
Комната с дверью	69
Корабли уходят вдаль	70
Свет от светлячков	71
Луч	72
Дом у реки	73
В искусстве	74
На заре	75
Хочется людям тепла	76
Киты улетали	77
Дождь	78
Радуга	79
Нежность	80
«Маленький» большой	81
Не отвечайте злом на зло	82
Белки в колесе	83
Январь мне совсем не пишет...	84
Самые близкие бьют больнее	85
Город застыл среди надежд	86
Весна с блестяще-синими ручьями	87
Игорь Вайсман	88
Жертва науки	90
Наталья Говорухина	93
Зов	94
Живой	95
Верю	96
Танец вечности	97
Бог	98
Вечность рядом	99
Симург	100
Виктор Голубев	101
Беседы о любви	103
Рождение идеи	106
На взводе	107
Сергей Гошев	109
Афганская ромашка	110
Лебединая верность	115
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Алина Ланина

Великий Пушкин

Не дать остыть душе поэта!

*...от вашей лиры
Предвижу много я добра.*

А.С.Пушкин.

«Разговор книгопродавца с поэтом»

В 2024 году Александру Сергеевичу Пушкину исполнилось бы 225 лет. Нет, столько не живут, но столько помнят. Потому что даже спустя века любой человек, открыв томик со стихами этого гениального поэта, каждый раз открывает что-то, ранее ускользавшее от взгляда. Мысли, эмоции, догадки продолжают обуревать нас, читающих и перечитывающих чудесные строки.

В своём времени Пушкин был «незванным гостем на пиру жизни». Такими не делаются, а рождаются: за двадцать лет он пережил и почувствовал все мысли и чаяния своего народа. Его живой ум и искренность души служили залогом неиссякаемости источников творчества Гения.

Но ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь
И наконец окаменеть
В мертвящем упоении света...

По словам Н.Г.Чернышевского, «до Пушкина не было в России истинных поэтов; русская публика знала поэзию только по слухам, из переводов или по слабым опытам, в которых искры поэзии гасли в пучинах риторики или льдах внешней холодной отделки».

Пушкин с самого начала своего творчества на поэзию смотрел не как на забаву, а как на вид духовной деятельности. Он ощущал необходимость разнообразного литературного труда, переходил к драме, повести, роману, истории, народной сказке. Его ум испытывал сомнения и неудовлетворённость, поэт непрерывно двигался вперёд, – всё это не показывает ли гения, рождённого в веке переходном? Таков был Александр Сергеевич.

Разве это не подлинный подвиг – представить собою своё время и свой народ в области поэзии? Тёплое сердце Пушкина билось благородным чувством, в его душе находило соперничество всё прекрасное и славное. Жизни человеческой не хватит, чтобы перебрать всё, что врезалось невольно в сердце от его неподражаемых стихов...

Всю свою короткую жизнь Александр Сергеевич неустанно изучал историю – ведь настоящего нет без прошлого и будущего без настоящего. Пушкин подчёркивал, что неуважение к прошлому есть черта необразованности, и тот, кто пренебрегает прошлым и занят одним настоящим, не понимает единства истории человечества.

Уважение и любовь – то неизменное, что мы испытываем по отношению к Пушкину. Признательность за недолгие годы, когда созидал незабвенный стихотворец. За чудесные и мудрые строки. За чувства и проникновенность.

Пушкин с лёгкостью смешал в своём творчестве «низкий» и «высокий» стиль, широко использовал народный фольклор, писал стихи и прозу – всё это даёт возможность проявить дань уважения к Поэту приверженцам разных литературных жанров. Поэтому и в нашем сборнике объединены разноплановые произведения. Наши авторы не ставят целью напрямую подражать Пушкину, но стремятся сохранить «душ высокое стремленье». А ещё – не утратить желание «глаголом жечь сердца людей».

Валерия Афолина

«Мечтаю вдохновлять людей на что-то прекрасное, но пока лишь обличаю их чувства и эмоции».

Родилась 23 июня 1999 года в селе Развильном Ростовской области РФ. В настоящее время живёт в Москве. Окончила Ростовский государственный медицинский университет, врач-педиатр.

Ведет телеграм-канал «Лимонный щербет». Работает с разнообразными темами. Тяготеет к малым формам, экспериментирует с ритмом и рифмой. Всегда хочется создать что-то неповторимое.

Публикуется в альманахах Российского союза писателей, а также в сборниках издательского дома «АРТ-Сияние». Номинант национальной литературной премии «Поэт года». Награждена медалями «Фёдор Достоевский: 200 лет» и «Максим Горький: 155 лет».

На дне

На дне моей обречённости
Тонут фонари.
На дне моей обречённости
Слишком много пустоты.
И гаснет свет —
Какая разница,
Если тебя рядом нет,
Тебя больше нет.

Маленький человек
В центре огромной вселенной
Потерян и сбит с пути.
Когда первоисточник утерян,
Истины не найти
И гаснет свет —
Какая разница,
Если тебя рядом нет,
Тебя больше нет.

Человек, наделённый огнём,
Не может зажечь даже спичку.
И слова не о том, не о том —
Какая глупая привычка.
И гаснет свет,
Пусть гаснет свет,
Разницы больше нет,
Мне не нужен свет!

Я нарисую вечность
Из тысячи слов...
Эта песня никогда не померкнет —
В ней живёт любовь.

Voce viva

Мы одинокие обречённости,
Травим мир своим отражением,
Ожидаем момент освобождения,
Боясь шагнуть за грань сомнения.

Погребены в оковах прошлого,
В отрешённости неприкаянны.
На самом дне поражения
Хороним тайные желания.

Мы на краю неизвестности
Таем в облаке привидением.
Настал момент для падения,
Знаменуемого взрослением.

На краю обречённости
Нет выхода без движения.
Как прозреть в этой плоскости?
Вот-вот созреет момент для решения.

Пламя

Мы – огонь, бушующее пламя.
Сжечь, светить или тлеть?
Каждый свой путь сам выбирает,
Борьба – наша суть, только бы не сгореть.

Сжигаем мир, себя сжигаем
До пепла, дотла,
И каждый раз, подобно фениксу, воскресаем,
В чём же наша вина?

Смотрю сквозь туман на растущий город,
Небоскрёбы, пронзающие небеса, —
Они, как опухоль, разбухают,
Поражая... и наши сердца.

С каких пор люди стали серой массой?
Когда успели потерять себя?
Мир изменился напрасно,
Так много было сожжено – зря.

Ясность проникает на просторы бытия,
Пылью стираются все последствия огня,
Даже пыль может стать бурей,
Пожар просто неминуем...

Patheticus

От рождения слепые,
Пытаемся вкусить запретный плод.
Во тьме пытаемся выжить,
Ведь нам... не всё равно.

По воле своей немые,
Разрываем мир на части,
До конца не понимая,
Что значит наше счастье.

Вроде пока ещё живы,
Но мертвы временами.
От боли взлетаем всё выше,
Приближаясь к бездне шагами.

Ставим клеймо на человека,
На небо поставили штрих-код.
Мы себя остановить не можем,
На рваной струне играя аккорд.

Волшебство зимы

Ловлю снежинки языком,
Под ногами хруст неосторожный,
Мы бессмертны, мы бессмертны с тобой
Под вечным покровом снежным.

Зачем скрываться под зонтом?
Я падаю в объятия снега,
В бесконечной белизне неба тону,
А снежинки падают сверху.

Вслед за тобой шагаю в новый мир,
Мы кружимся в танце метели,
Вместе погружены с тобой
В волшебство зимней колыбели.

Кружится, кружится снег,
А мы опьянены зимою.
Два разных мира – день и ночь —
В снегу слились между собою.

Колкие объятия тишины,
Но мне тепло рядом с тобою.
Давай останемся в этом мире вдвоём,
Объединённые общей судьбою...

Наталья Бабочкина

Родилась в г. Грозном (Чеченская Республика), живёт в Москве.

По образованию журналист, литературный редактор. Член Союза писателей Москвы. Публиковалась в журнале «Огонёк», поэтическом альманахе «Муза» и других печатных изданиях. Соавтор литературоведческой монографии «Милая сердцу Малеевка», автор поэтиче-

ских книг «Все лучшее – тебе», «Пока живёт на свете доброта», «Я дожидаясь журавля», «Легко ли быть женщиной?». Размещает свои произведения на портале «Стихи. ру».

Не быть мне больше молодой

Не быть мне больше молодой...
Ну и так что же?
Глаза горят, тверда ладонь...
Года итожа,
все, что накоплено за жизнь,
со мною рядом.
А если трудно, так держись.
Долой преграды!
Не быть мне больше молодой.
Печали нету.
Всё знаю поперек и вдоль,
бродя по свету,
все мели, тяготы пути
и все овраги...
А ты попробуй их пройти
не на бумаге!
Не быть мне больше молодой...
Мне не до скуки.
Горят в судьбе моей звездой
родные внуки.
Родные дети берегут
и понимают.
Любовь, моих коснувшись губ,
всегда спасает.
Не быть мне больше молодой.
Ловлю я взгляды —
и тяжесть лет летит долой,
когда мы рядом,
пока мы делим на двоих
тепло и счастье.
А есть такое у других?
Мне ль огорчаться?
Не быть мне больше молодой.
Ну и не надо.
В моей душе горит огонь.
Любовь – наградой.
Года короною несую.
Сверкают нити...
Так в чем же нашей жизни суть?
Года цените...

И мне ей верится

Попутный ветер – кораблю,
что мчит от берега.
Шепнула жизнь: «Тебя люблю...»
Я ей поверила.
И полетела по годам,
ей благодарная,
не забывая никогда
ошибки давние,
припоминая все удачи
и сомнения,
давая обижавшим сдачу
без промедления,
целя мгновения любви,
мне выпадавшие,
забыв никчемных визави...
Меня предавшие
пускай идут своим путем.
Не жаль потери мне.
Я просыпаюсь, каждым днем
полна доверия...
Все испытания стерплю.
Спешу надеяться...
...Шепнула жизнь: «Тебя люблю...»
И мне ей верится...

В чертогах Евтерпы

В чертогах прекрасной Евтерпы
на дивных парнасских холмах
стихи возникают, чуть теплясь,
и вдаль нас несут на волнах...
Здесь все, что написано нами,
в анналы запишет судьба,
сбываясь неспешными снами,
как чувство, нежна и слаба.
Поэзии сладостный праздник,
где строчки неспешно тихи, —
в чертогах Евтерпы прекрасной,
где Муза нам шепчет стихи...

Ангел-хранитель

Чем дольше лет раскручиваем нить,
нам хочется былое оценить.
Однажды человеку снится сон.
По берегу песчаному шел он.
С ним ангел, коего послал нам Бог
на каждой из нам выпавших дорог.
Мелькнут картины жизни, а потом
следов две пары на песке сыром.
Одни – его, другие – от того,
кто все года оберегал его.
Последняя картина пронеслась,
и ужасом душа вдруг обожглась:
остались на песке одни следы.
Таких плохих времен не вспомнишь ты.
– Не ты ли обещал меня хранить,
от бед и от несчастий сторонить?
Но в трудный час, уж объясни мне ты,
я вижу на песке одни следы...
Так, значит, ты оставил в трудный час,
хотя помочь мне мог и в этот раз?
Бросал меня, когда пришла беда?
– Нет, на руках я нес тебя тогда...

Девятый вал

Когда в минуту испытаний
девятый вал несет прибой,
тебя, Поэзия, как знамя
я поднимаю над судьбой.
И прерывается дыханье
от тяжкой сути бытия,
и проливаются стихами
моя печаль и боль моя.

Верьте в невозможное

Жизнь – загадка сложная.
Не спасет авось.
Верьте в невозможное,
чтоб оно сбылось.
Сердце счастьем полнится,
теплятся мечты...
Пусть же все исполнится,
чего хочешь ты!
Прочь печали гонятся.
Распахни окно.
Пусть же все исполнится,
что нам суждено!
Прочь отбросив ложное,
рук не опускай...
Верьте в невозможное.
Сбудется пускай!

Жизнь проносится мгновеньем

Жизнь проносится мгновеньем,
нас меняя навсегда,
но живут в стихотвореньи
наша радость и беда, —
все, что, к счастью, миновало,
все надежды на авось,
все, о чем душа мечтала,
все, что так и не сбылось...
Жизнь, сгорая словно порох,
выжигает нас дотла.
Но живут стихи, в которых
я так счастлива была.
И удачу, и везенье,
шорох снега, скрип саней
сохранит стихотворенье
до моих последних дней.

Родные

А снегом вся заметена околица.
Сугробы возле домика стоят.
А там уже за нас никто не молится.
Они с небес молитвенно глядят.
И наблюдают – как мы в их отсутствие?..
Переживают, что не дать совет,
не зная: мы по-прежнему их чувствуем,
хоть пронеслось уже так много лет...
И мы за вас, конечно, тоже молимся,
чтоб путь небесный был для вас широк...
... А вьюга заметает за околицей,
разлуки нашей прибавляя срок...

Белая Ворона

Шуты живут у трона.
Высмеивают их...
Я – Белая Ворона
среди людей других.
Все то, что сердце ранит,
иным и невдомек...
Всю жизнь вороной странной
земной живу я срок...
Порой не замечают
ни подлость, ни обман...
Вороне не прощают
то, что прощают вам...
О, как она ранима!
Душа обнажена...
А вы идете мимо,
она для вас странна...
Раскрой пошире ставни.
Полощется заря.
А грязь к ней не пристанет —
стареетесь зазря...
Она совсем иная,
и мыслей ход иной.
То, что она познаёт,
неведомо самой...
То, что она расслышит,
не допускает ложь.
То, что она напишет,
не сразу и поймешь...
Ронять стихи, как перья,
привыкла с детских лет...
Исполнена доверья.
Дарю надежды свет...
Волнения резонны.
Сомненья по плечу...
Я Белою Вороной
сквозь годы пролечу...

Ключи от чужого счастья

Удача вам не по чину?
Запомни простой секрет:
завидовать нет причины,
у каждого свой сюжет.
Ведь все, о чем ты мечтаешь,
сумеешь добыть и сам,
а завистью отбираешь
стремление к чудесам...
Не тратьте на зависть силы,
подтачивая года,
ведь все, что судьба сулила,
лишь жизнь нам способна дать...
Что без толку огорчаться?
А годы, как дни, бегут...
Ключи от чужого счастья
к вашему не подойдут...

Строка незваная

Судить строку незваную
бессмысленно и тягостно.
Она придет нирваную,
искрящейся и радостной.
Она судьбой нашептана
и сердцем переплавлена.
Она звучит так жертвенно.
Она спасает пламенно.
В грядущее уверовав,
она зовет к прощению,
и борется со скверною,
и жаждет воплощения.
Печаль ее бесчисленна,
бессонницей украдена...
Судить ее бессмысленно —
она нам Богом дадена.

Не говори...

Не говори: «Зимою нам не до полета».
И в ноябре весной стать можно для кого-то.
И в феврале капель в душе своей расслышать.
Пусть в марте птицы прилетают к нам на крышу.
Мы можем осенью влюбиться до упаду,
а в октябре до слез устать от снегопадов,
в июле ветреном расстаться, не жалея,
а в ноябре ценить опавшую аллею...

А знаешь...

А знаешь, для меня ценней
стихи, что сердце написало,
где даже рифма – не начало,
а способ выраженья дней...
Пусть импульсивны, неловки,
но для плутающих в дороге
они горят, как маяки
души, исполненной тревоги.
Они так искренне смелы,
они так трогательно чётны,
как обнаженные стволы,
как птицы в дали поднебесной...
А те стихи, что лишь для рифм, —
как недописанное скерцо,
хранят постыдный алгоритм
несуществующего сердца.

Опять мне зима...

Опять мне зима приготовит сюрпризы.
Домов леденеют крутые карнизы.
Машины застряли в снегах, без лопаты
уже никуда не проехать, ребята...
Опять мне зима приготовит подарки,
чтоб алые щеки, а взгляды так ярки.
Заставит в морозы укутаться срочно.
Что будут морозы, узнала я точно.
Опять мне зима приготовит удачи.
Засыпана снегом любимая дача.
Бельчата с руки не боятся покушать,
а шубою греются тело и души...
Опять мне зима исполняет желанья.
Былое растает в вечернем тумане.
А все, что хочу, волшебство мне подарит.
Пусть елка счастливый мне год нагадает...
...Опять мне зима...

Надо выстрадать

Если вдруг не пишется
и не получается,
все равно ведь слышится
и в душе слагается...
Мчатся годы быстрые,
в сердце болью множатся...
Просто надо выстрадать,
и тогда все сложится...

Два жизненных крыла

Есть два крыла у нас – отец и мать.
Они способны в небеса поднять.
Взлететь над горестью и над бедой
и оставаться до конца собой...
Я рассуждаю часто об одном:
как тяжело лететь с одним крылом,
непросто жить и уходить от бед.
Кто виноват? Где отыскать ответ?
Без крыльев по земле пойдешь пешком,
путь усложняя в свой родимый дом.
Без крыльев странно жить тому, кто мог
взлетать к вершинам, не ища подмог...
Дай Бог летать как можно дольше нам,
своих родителей беречь, как храм.
Нам эти крылья не навек даны.
Мы словно счастье их хранить должны...

Науму Коржавину

Замереть в предчувствии строки,
вспомнив все, что выпало вначале...
Будут годы словно сон легки
и неторопливы, как причалы...
И четверостиший строгий ряд
оживит мелькнувшее мгновенье,
где все рифмы строчками стоят
и не допускают повторенья...

Спасибо тебе...

Какое небо над моею крышею!
Все, что ты говоришь, я прежде слышала,
но лишь твои слова торят дороженьку
к душе моей. Благодарю я Боженьку
за то, что все пути с тобою связаны,
что до конца пройти мы путь обязаны,
что свадьба золотая приближается
и что любовь с годами не кончается,
что мы живем друг другом, свято веруя
в то, что любовь не может быть химерою,
за то, что помогаешь мне, сочувствуя,
за то, что молодой себя я чувствую...
Так пусть бежит дорога, не кончается.
И, хоть на ней нам разное встречается,
спасибо небу над моею крышею
за то, что голос твой в толпе расслышала...

Бусы

Бусы старые, неброские
порассыпались в пыли...
Ни Цветаеву, ни Бродского
невозможно повторить.
Будешь леску вновь наматывать,
но как прежде не собрать...
Ни Тушнову, ни Ахматову
невозможно воссоздать.
Свой талант и дар у всякого,
и дорога, и душа...
Нет на свете одинаковых,
но не стоит подражать.
Наши судьбы надо выстрадать,
повернуть, как русла рек.
Надо так все строчки выстроить,
чтоб запомнились навек,
чтоб нашептывались знахарски,
повторяясь, как в бреду!..
Вновь весна по-пастернаковски
кружит голову в саду!..

Упала осень нам на плечи...

А осень листьями на плечи
упала, холода неся.
Жаль, время нас с тобой не лечит,
а лечат счастье и друзья.
А лечат те, с кем рядом легче,
кто разделить беду готов,
кто вашу горесть человечью
способен воспринять без слов...
Те, кто в обиде приголубят
и вас благословят в полет...
А лечат те, кто ждет и любит,
кто верит, помнит и зовет...

Творец

На сердце буря или тишь,
бьет в спину ветер иль попутный,
ты веселишься иль грустишь, —
стихи в тебе живут подспудно.
Пусть их не выразить пока,
они внутри сопят смущенно...
Что ждет их? Крестная строка?
Концертных залов пол лощеный?
Бумаг заброшенных чердак
иль запах типографской краски?..
Ты сам – поденщик, или маг,
или творец прекрасной сказки?..

Душа настроена на лучшее

Душа настроена на лучшее.
Вновь растревожит бытие...
Но я, сомнениями мучаясь,
лишь сердце слушаю свое.
И солнца рыженькие зайчики
нам улыбаются опять.
И усомниться так заманчиво,
когда неведомо, что ждать...
Пусть треплет сердце дух сомнения,
как ветер – купол шапито,
но ты сумей не слушать мнения
тех, кто не верит ни во что!
И часто в жизни получается,
хоть не подскажет вам никто, —
на что надеешься – случается,
в чем усомнился – ни за что!

СМЫСЛ СУДЬБЫ

Уснули ручьи весенние.
Мечтает о лете бор...
Стихи – это потрясение
и потусторонний спор,
бессонницы озарения
и – кто бы там ни спросил —
стихи – это откровение,
подсказка подлунных сил,
забвение иль призывание,
и прожитых лет столбы,
и способ существования,
и крест твой, и смысл судьбы....

Лужицы, прихваченные инеем

Лужицы, прихваченные инеем,
над людьми – скафандрами дымок...
И твои глаза, такие синие,
и того же цвета свитерок...
И слова, затертые до одури,
с наглой предсказуемостью фраз...
И такое ощущение вроде бы,
что ты говорил их сотни раз...
Ни листочка не найти на дереве.
Медленно роняет осень дни...
Как ты хочешь, чтоб тебе я верила!
Только я не верю. Извини...

Кровинки

Неуловимые, как случай,
непостижимы и чисты,
они спускаются, как лучик,
из поднебесной высоты...
Они карают и возносят,
в них Прометея дух горит,
но их не ангелы приносят —
сама душа животворит...
Осколки жизни, дней пылинки,
минувших чувств бесценный том...
Мои стихи, мои кровинки, —
то, что останется потом...

А радость...

Покуда дождь по крышам моросит,
нам верится, что всё с тобой сумеем...
...А радость надо просто приносить
случайно, без причин и между делом...
А тучи тают где-то высоко,
чтобы дождями нас не беспокоить...
...А радостью делиться так легко,
как воздухом. И жадничать не стоит...
Скорее купол опусти зонтов,
чтоб скинуть сырость от дождей бессчетных...
...А радость не иссякнет ни за что,
раз ею мы так делимся охотно...
Поверь, что этот дождь не виноват
в бесчисленности капель быстротечных...
... А радость возвращается стократ
к тому, кто ею делится сердечно...

Разучились...

Разучились по жизни гореть,
с добротою сердец разлучились...
Разучились красиво стареть
и красиво любить разучились...
Мы привыкли всегда дорожить,
исправляя, что жизни мешает.
А без этого разве прожить?
А иные себя улучшают...
Я хотела спросить их не раз:
разве юность вернется, как счастье?
Разве блеск ты подделаешь глаз
после пластики, рвущей на части?
А когда на душе благодать,
не нужны никому улучшенья,
лишь о здравии станешь мечтать,
принимая по жизни решенье.
Пусть и жизни осталось на треть,
лишь бы счастьем очи лучились...
... Разучились красиво стареть
и красиво любить разучились...

В ожиданьи лучшего

Вот так за годом год идет,
покуда ждем мы случая...
... Ничто так время не крадет,
как ожиданье лучшего...
Не тратьте попусту года.
Живите, жизни радуясь.
Пусть все, что сбудется тогда,
к вам явится наградю.
А если бесконечно ждать,
не приближав свершения,
то можно вовсе опоздать.
Сумей принять решение.
Жизнь в ожидании пройдет,
уроком не научена...
... Ничто так время не крадет,
как ожиданье лучшего...

До новой строчки

Подкатило, допекло,
довело до точки...
Все, что душу обожгло,
скоро станет строчкой.
В этой строчке прогорят
все мои сомненья...
Сколько строчек встанет в ряд
для стихотворенья!
Ввысь по лезвию ножа —
крестный путь поэта.
Обнаженная душа —
как источник света.
Строк живительных тепло
исцеляет прочно...
Отболело, отлегло...
Что ж, до новой строчки!

Подруга осень

Легко по осени гуляю,
листвою павшею шурша.
В подруги осень добавляю,
ценя ее небыстрый шаг.
Не торопись, моя подруга,
засыпать листьями траву.
Живем, не размыкая круга,
кляня недобрую молву.
Давай с тобою выпьем чаю,
расскажем девичьи мечты.
Ведь я с годами замечаю,
что все грустнее стала ты...
Была нелегкою дорога
с прощанием сведенных рук...
... Не потому ль, что одинока,
ты одиночишь всех вокруг?..
Хоть рождены мы все для счастья,
но лучше душ не бреди...
... Не оттого ль, что плачешь часто,
бегут осенние дожди?..
Недалеко уже до вьюги...
Так улыбнись мне поскорей...
Знай: раз уж мы теперь подруги,
не одинока ты, поверь...

Артём Бернгардт

Родился в г. Барнауле (Алтайский край) 15 августа 1984 года. В 2010 году переехал в Санкт-Петербург.

Выпустил пять стихотворных сборников: «Море моих стихий», «Номер тридцать шесть», «Одиночество и Смерть», «Книга № 37», «Скольжение».

* В стихах сохранена авторская пунктуация.

* * *

Как же давно не вижу хорошего
Всё время мерещится смерть
Вся жизнь состоит из прошлого
Как будто будущего в ней нет
Но это ложная информация
Чтобы только сбить с пути
Привык по жизни скитаться
Мог и важное мимо пройти
Отражается улыбка в чужих глазах
Только тогда она настоящая
Остальное – притворство впопыхах
Или звериный оскал блестящий
Обязательно себе ещё отмерю
Чтобы выбрать свой путь
Не впадаю в ложное доверие
Из гранита выгрызаю суть
Хочется где-то сделать вдох
Немного приотпустить ситуацию
Но ведь раньше никто не помог
Приходилось самому справляться
Отлежаться обязательно успею
Там, где будут корявые доски
А пока я продвигаюсь к цели
Выглядит это совсем непросто
Не сбивает лёгкость чужих успехов
Ведь разный у всех был старт
Тем более что для одних жизнь потеха
А для других она – небесный дар

8:26 16.06.2023 г.

* * *

Всего теперь не охватить
Куда потянется моя душа
Без лишних вот интриг
Хочется жадно дышать
И много интересов разных
А все они столь не похожи
Доводят будто до экстаза
Вселяют всегда под кожу
Тянусь ко всем неистово
И как бы не порваться
Давно не жажду истины
Плыву вне ситуации
Всего не охватить
Сражаюсь без потерь
Не удержать внутри

Вторую открываю дверь
Минуты скачут ровно
Как зебры в прерии
Нельзя же быть готовым
Всегда оказывать доверие
Все полосы раскрашиваю
Не ограничиваюсь гаммой
Не помню дня вчерашнего
Художествую филигранно
Всего теперь не охватить
Не помещается сразу
Куда-то же влечёт инстинкт
Меня даже фразы

21:05 17.06.2023 г.

* * *

Когда уже обессилел
И подняться не смог
Всё ближе к могиле
Или это новый урок
Ответов здесь не дают
Тишина лишь на обед
От разнообразия блюд
В голове какой-то бред
Собраться бы в кулачок
Самому себе дать отпор
Словно сдать этот зачёт
Навалившись всей толпой
Но сил нет подняться
Хоть груза нет на плечах
Смерть будет бряцать
В глазах одна лишь печаль
Выдумывать невозможно
Моральных сил тоже нет
Как рыба свежемороженая
Которую подают на обед
Героем себя не наречь
Да лишний пафос ни к чему
Всё же сброшено с плеч
Но почему продолжаю тонуть
До крайности обессилел
С застывшим выражением лица
Что-то прельщает в мире
Чтобы бороться теперь до конца

10:00 18.06.2023 г.

* * *

Скинуть с себя оковы
Не отдавшись пустоте
Вдруг оказаться новым
Среди старых стен
Раздвинуть границы
В которых не развернуться
Покинув больницу
В отсутствие на то инструкции
На себе разорвать одежду
Выстроить картонный дом
Не оставаться, как и прежде
Низвергнув новый эталон
В карманах ношу лишь пыль
Не пытаюсь ничего копить
Из себя не выдавливая «извини»
Потому что не живёт внутри
Необязательно всё сломать
Выбравшись потом из руин
Порой больше всего слова
От гнева летят без любви
Кем-то новым в одночасье
Порой не получается стать
Много привык спотыкаться
И это происходит неспроста
Скинуть с себя оковы
Как старой одежды запах
Вдруг ощутить себя новым
Совершенно внезапно

16:28 19.06.2023 г.

* * *

В городе так много стен
Порой уже не протиснуться
Куда-то не попадёт свет
Но все ищут свою истину
Кто-то находит лишь утешение
Довольствуясь малым
Но лишь бы не верёвку на шею
Когда тяжело тебе стало
Город зажимает своими стенами
В объятиях готов задушить
Ничего с такой любовью не сделать

В городе нет твоей души
Можно бежать по переходам
Ловко по зебре скача
Оправдание лишь как повод
Чтобы не вызвать врача
В городе так много стен
Каменные его объятия
Среди множества систем
Хватает белых пятен
Вырваться непросто
Он съедает годами
Город – хищная особь
А человек увядает
В городе каменные стены
Всё время бьют по лицу
Даже если ничего не сделал
Город съедает всю суть

9:38 20.06.2023 г.

* * *

Я существую по средствам
Не вылезая из своей шкуры
Все мы вышли из детства
Если в эмоциях не утонули
Переживания свои перенеся
Пусть они уснули под кожей
Пока фонтан эмоций не иссяк
Самого себя принять сложно
Я существую по средствам
Не разбираясь в ипостасях
Хочется мне куда-то деться
Чтобы уже не возвращаться
Тот мальчик, повзрослев
Стал чаще давать отпор
Жизнь завязана на узле
Очередное её коварство
Я существую по средствам
Чтобы никуда не шагнуть
Во что-то светлое верится
Что ещё освещает путь
Но нет единого понимания
Как нет должной простоты
Применить свои знания
Времени не осталось почти
Я существую по средствам
Чтобы только не сбежать

Мне сложно было раздеться
Но обнажена моя душа

16:48 21.06.2023 г.

* * *

Пусть излишне противоречив
Сомнения питают чувства
Бранные слова летят из печи
В меня их бросают искусно
Не каждый стройный шаг
Мне удаётся едва ли
Но вот так взовьётся душа
Я повинен в реалиях
Вам сложно принять иное
Так ведь не гонюсь с тесаками
Пусть ритм мой нестроен
Вы извините, так вытесан камень
Опять, наверное, много сбоят
И строчки всегда невпопад
Для вас нарушаю я ритм
Но вот так вот они летят
Меня тревожат они изнутри
Заложены глубоко они где-то
Читатель, меня ты прости
Пусть буду сегодня недопоэтом
Не станете же вы злобу точить
В меня бросаться рывками
Свою ошибку принимаю почти
И не бросаю ответный камень
Исправиться не обещаю
В моём болоте мне так хорошо
Пусть переполнен печалью
Зато и в вас я что-то разжёл

11:17 22.06.2023 г.

* * *

Слабый сердца ритм
Громкий ход часов
Обязательно возьми
Совсем немного слов
Чтобы разбавить тот шум
Что слышен по утрам
Нераскрывшийся парашют

Значит, взлетать пора
Сердце ускоряется вместе
С быстротою падения
Кто-то себя перекрестит
Или орёт до последнего
Слабый ритм ускорен
Как будто все устали
Было нас с тобой двое
Но я без тебя в финале
Мне разогнаться с крыши
Чтобы распугать голубей
А может, меня услышишь
Пока я к краю бегу скорей
Ритмичный стук сердца
Заставляет уже парить
И больше мне не верится
Что живо чувство внутри
Слабый сердца ритм
Оттого и болтаю ногами
Собираюсь я изменить
Всё, что на грудь мне давит

18:41 23.06.2023 г.

* * *

Шаг за шагом
Я за тобой следом
Только не рядом
Я ничего не сделал
Лёгкой поступью
Почти незаметен
Стали взрослыми
Почти ещё дети
Качающейся походкой
Ты идёшь, как волна
Взгляд твой кроткий
Но только ты нужна
Я словно привязан
Невидим тот поводок
Мысли мои сразу
По спине лишь холодок
Как ты сногшибательна
Сколько таких, как я
Не стану даже приятелем
Мимо меня та волна
Губ твоих коснуться
Губами своими

Пусть не знаю вкуса
Это непреодолимо
Шаг за шагом
Я за тобой следом
Только не рядом
Я ничего не сделал....

21:50 23.06.2023 г.

* * *

Нежность перемещаю вагонами
Верно бы ещё её разгрузить
Она без упаковки вся скромная
Прячется, когда ты вблизи
Кто-то её привык отбрасывать
Чтобы лишнего не проявить
Считая, что она вся ужасная
Но ведь у каждого внутри
Невозможно лаять постоянно
На кого-то смотришь иначе
Нежность не сидит в карманах
Но её необходимо оплачивать
Только, кажется, не деньгами
Время выступает валютой
Даже такса совсем другая
Нет цены у неё абсолютной
А я выбрасываю из вагонов
Не думая о последствиях
Она не нужна мне сегодня
Вся осталась где-то в детстве
Стоит, наверное, себе припасти
Пусть будет хотя бы про запас
Так говорит мне мой инстинкт
И что аккуратнее нужно класть
Нежность всю потом подарить
Чтобы другой человек принял это
Она с годами переполняет внутри
Чтобы сгладить неровные моменты

Нежность 10:15 24.06.2023 г.

* * *

Неловкость и опустошение
Капают минуты тягучие
Время окружает за шею

Теперь оно к лучшему??
Если опять оступился
Если все страницы порвал
Ну не оказался принцем
И даже не серый кардинал
Нельзя быть всегда готовым
Чаще не выучен тот урок
Когда не приходил ты в школу
Через опыт усвоить готов
Кажется, всё упущенное
Ещё удастся наверстать
Что теперь к лучшему
Куда растворилась мечта
Ответов я не рисую
В заоблачном мире том
Не поминаю всуе
Не знаю, писать мне про что
Вроде бы лишнего не воровал
Чужое себе не присвоил
Но каждый день как аврал
Забываешь к концу устои
В смятении без ориентира
Молча смотрю на знаки
Всё равно сделать выбор
Заставит меня итог этой драки

14:05 25.06.2023 г.

* * *

Я не умею радоваться счастью
Когда оно для меня чужое
Мне не хочется возвращаться
Поэтому всё пережёвываю
Удобнее всего в тишине
Когда она безгранична
Излюбленный момент
Где постулатом личность
Твёрдой породы камень
Словно неотёсанная скала
Лишь бы не трогали руками
Не убеждали, что сажа бела
Чужое не бывает близким
Даже одежда с чужого плеча
Из самого себя не вырасти
Когда изнутри съедает печаль
Радость ведь не безгранична
Всегда является отражением

Никогда не бывает вычурной
К чужим не имея отношения
Не испытываю гордости мнимой
И не желаю привязываться
Счастьем пусть делятся другие
Считая это обязанностью
Возможностей не хватает
Не стоит навязывать границы
Если счастье и есть мечта
Возможно, им стоит делиться

17:28 26.06.2023 г.

* * *

Когда кончается бензин
Глаза сжимает плотно
Но не осталось больше сил
Как я попал в твоё болото
Сражаться будут только те
Кому блик золота дороже
А я невидим в простоте
Мне выплыть будет сложно
Сейчас заглохнут обороты
И остановка будет не нужна
Ещё немного побороться
Покуда плоть обнажена
В себе не вижу я того итога
Чтоб просто зацепиться
Прошу опять меня не трогать
И не ломать мне спицы
Бензина стрелка пала
Сдалась она от дрожи
Неужто было мало
Сражаться невозможно
Теперь нести весь груз
С поправками на ветер
Пусть думают – смеюсь
Так буду незаметен
Когда кончается бензин
В глазах потухший огонёк
Все страсти вместе с ним
Себя я дальше поволок

10:19 27.06.2023 г.

* * *

Мы не рэперы
Но меломаны
Поэтому в ответе
За ваши раны
Слова из души
Крылатые фразы
Я здесь, я жив
Спасибо каждому
Любой ценен из вас
Все единый организм
Жизнь понеслась
Теперь вверх, а не вниз
Мы не рокеры
И не артисты
Но так устроены
Очень высоко
Взовьётся мой слог
Чтобы гордо летать
Кажется, что я смог
И покорилась мечта
Сегодня я очень рад
Новое чувство где-то
Пусть будет этот азарт
Лишь мною воспетым
Мы не рэперы
Но меломаны
Сегодня согреты
Небесной манной

23:51 27.06.2023 г.

* * *

Наступило утро. Туман

00:11 28.06.2023 г.

* * *

Вырваться из когтистых лап
Кем-то новым оказаться
Главное понять, что не слаб

А владелец всей ситуации
Сложно мир под себя прогнуть
Проще прятаться где-то
Но не стоит выпячивать грудь
Пока не найдены ответы
Голову прятать в песок
Тоже не лучшая привычка
Каждый в поле колосок
Сгорает, как тонкая спичка
Но всё же стоит иметь запас
Мыслей чётких настрой
О том, что правильно класть
И правильно быть собой
Порой не хватает момента
Быстро щёлкает секундомер
Всегда идти против ветра
В этом жизни моей экзамен
Сил набраться для броска
Выбрав уже направление
Пусть и долго себя я искал
Зато теперь не робею я
Отражение мне улыбается
Оставляя меня статичным
Больше не щёлкаю пальцами
Целостной являясь личностью

14:57 28.06.2023 г.

* * *

Себя рифмуя с интуицией
Когда все запятые стёрты
А жизнь ещё стремится
Ломая стереотипы к чёрту
Все грани только мнимые
Пусть даже и с колючкой
Вышагивая строим сильно
Мы прятаться приучены
Как кошка своего котёнка
Чтоб вовремя сюда ходил
Мы избегаем улиц тёмных
Всё светлое лишь впереди
И мне уже не оправдаться
Во многим из-за тщетности
Опять склонилась ситуация
Не выбраться без честности
А стоит ли всегда искать объезд
Всегда быть с головой прижатой

Как будто кто-то грозный съест
На солнце только видеть пятна
Себя уже не зарифмуешь вовсе
Оставшись где-то за кавычками
Искать теперь ли новый способ
Смириться, может, по привычке
Не виден будет результат
Пока все окна только мокрые
Меня не тянет вот назад
Разворачиваюсь очень громко

12:03 29.06.2023 г.

* * *

Хрупкий всегда искать баланс
Только бы не оступиться
Быть может, время рассудит нас
Чей верный принцип
В самом себе найти равновесие
Чтобы шаги понимать
Не думая, что поступки бесят
Лишаться от этого сна
Ошибок всегда будет больше
Оттого и к жизни интерес
Но вдруг ты себе позволишь
Не переломать весь лес
Где-то же сработает ограничение
Как на трассе скоростной режим
И пусть я потеряю последнее
Но научусь контролировать жизнь
Самого себя теперь удержать...

8:12 30.06.2023 г.

Вилена Брусникина

Настоящее имя – Виктория Лобанова. Родилась в 1986 году в г. Караганде (Казахстан). Окончила РОЭИШИ Бучина В.Л. № 62 по классу фортепиано и КарГТУ, магистр экономических наук.

Стихи пишет с 12 лет. Автор сборников «Лишь на краю стремишься жить» (2020), «Чем пахнет зима» (2022) и открыток с авторскими фото и цитатами (2022). Публиковалась в сборниках «СтихиЯ», «Музой окрылённые», «Опалённые войной», «Самому себе не лгите», «Персона», в энциклопедии «Писатели русского мира: XXI век», «Андеграунд», «Шанхай» (Россия-Китай), в интернет-журнале «Congres Litteraire Mondial» (Париж).

Победитель и лауреат различных поэтических конкурсов, в том числе «Лучший сонет – 2019», «Секреты душевного лета LITTERcon» и др.

А. С. Пушкин

Задумчиво из книги он так смотрит на меня...
Давно известен мне его величественный лик.
А благодатных слов его крылатая струя
Умело в души многим из людей смогла проникнуть.

Подумать об истоках чувств, что создал Властелин,
Когда, поддавшись искушенью, Ева стала грешною...
Но думаю о том, как мало в жизни тех мужчин,
Которые пошли б вот так стреляться из-за женщины.

В его стихах жива святыня, смелость, мастерство
И честность ощущений – отражение народа,
И старорусской яви той былое естество,
И громкий смех детей, и бесподобный мир природы.

Ведомый верой в души, глубоко он и сердечно
Проникся, поэтическим потоком воспомя,
Объединил богатую культуру русской речи
С огромным, восхищённым жизнью чувством бытия.

И он для нас поистине Пылающее Солнце,
Согревшее лучом своим страны померкший свет.
Любимец Муз, ни с кем ему не характерно сходство.
Его произведениям вовеки равных нет!

6.06.2022

Позови...

Позови меня тихой осенью,
Когда дрогнет твоя вдруг рука,
Когда тенью с безликой проседью
Мимо будут лететь облака,

Когда целые дни и ночи
Будут лить проливные дожди,
Когда сердце устанет очень
От тоски, ты меня позови...

10.06.2005

Тишина

Все тайны мира тишина хранит,
Она наш друг, союзник самый верный.
И только город за окном не спит
Под песню угасающего неба.

Все тайны в тишине: и шум дождей,
И за окном намокшие карнизы...
А на стене там тени фонарей,
Танцую, дожидаются репризы.

Кому-то ночь подарит свой покой,
Ну а кому-то вновь залечит раны...
Но вечна тишина, и в ней одной
Столетиями хранятся наши тайны...

29.07.2009

Сад падающих звёзд

За облаком, сквозь семь слоёв небес,
Где виден лишь один кометы хвост
И плазменной туманности завес,
Там здравствует сад падающих звёзд.

Живут там человеческие души —
В саду, в котором словно пух земля
И пахнут мёдом яблоки и груши.
Когда-то жить там будет и моя.

21.05.2019

Послевкусие

А у осени особый вкус
Спелых фруктов и горячих вин.
Музыкант играет старый блюз
Среди живописных картин.

Манкой сыплет кто-то с неба снег —
Жизнь у осени сокращена.
Бабе лето, ты наступишь, нет?
Если нет, то к нам придёт зима.

До весны остался майский жук
В колыбельке, скрытой под землёй.
Если слышится знакомый звук
Песни в сердце, ты её пой.

Переполненная до краёв,
Жизнь, насыщенная людьми.
Послевкусье ото всех своё,
Но, как правило, должно пройти.

5.10.2021

Росток

Когда не станет боли на Земле
И зацветёт давно усохший куст,
На полудрагоценном алтаре
Замироточит бронзовый Иисус.

А в том краю, где были только льды,
Не приживалась ни одна душа,
Вдруг стихнет ярость проклятой зимы,
Лёд станет таять, под ногой шурша.

С деревьев потечёт вкуснейший сок,
И люди будут, как цветы, цвести.
Из-под земли появится росток
Желаний древа и начнёт расти.

Расти и крепнуть с каждым Божим днём
И исполнять желанья и мечты,
Но только те, что связаны с добром,
В которых нет ни зла, ни темноты.

18.10.2021

Рождённая женщиной

Если ей улыбаются звёзды,
То себя без остатка отдаст.
Ведь такая, какой её создал
Господь Бог из ребра Адама.

Ей под силу любые задачи
И подвластны любые тела.
Если сердце однажды заплачет,
Значит, как-то неважны дела.

Её руки не знают покоя
В повседневном рутинном быту.
По колено ей – лужицей – море
С кораблями в далёком порту.

Ей поведал однажды мыслитель,
В чём же скрыта её красота,
В чём же сила и путеводитель —
Да в том, что женщиной рождена.

26.12.2021

Хранительница бед

Там, где струится лунный свет,
На землю падая узором,
Живёт Хранительница Бед
С ночным невидимым дозором.

Её владения полны
Несчастий, собранных в сосуды,
И, лишь коснётся свет луны,
Готовых вылезти наружу.

Но плотно заперты они.
Дозор их строго охраняет.
Вновь, если омрачают дни,
Сосуды ими пополняет.

Да только вот уж в чём дела:
Что бедам финиш непредвиден.
Они мгновенны, как стрела,
Всё норовят людей обидеть.

И не справляется дозор
С таким объёмом новых пагуб.
На землю падает узор.
Хранительница точит шпагу.

9.06.2022

Мир в голове

У меня есть свой собственный мир в голове.
Там трава зеленой. Светлых чувств водопады
Окружают стоящий на склоне шалé,
А в ночи дарят свет свой цветные лампы.

Шум листвы, пенье птиц и полночных цикад
Наполняют мой мир неземной атмосферой.
Я блуждаю по этой красе наугад,
Сохраняя в саму себя твёрдую веру.

16.12.2019

Комната с дверью

Человек – это комната с дверью,
Постучишь и, бывает, закрыто.
А порой нам не хочется верить,
Что за дверью, как в камере пыток.

Но и настежь открыто бывает,
И веселье и шутки – там праздник.
Кто-то не до конца прикрывает.
Заглянуть бы... Не даст, только дразнит.

А у некоторых – куча хлама,
Плотно запертая с трудом держит.
И им кажется ведь, что всё мало,
Что ещё туда что-нибудь влезет.

Чью-то дверцу толкнешь – очень тесно,
Душно, скучно, совсем неуютно.
А за чьей-то – просторно, чудесно,
Неземного блаженства минуты.

Вместо комнат встречаются стены,
Непонятно куда коридоры.
Или просто пуста совершенно,
Кто там был, все ушли из которой.

9.07.2020

Корабли уходят вдаль

Корабли уходят вдаль, уходят в небо,
Унося наши мечты за горизонт.
Ну а мы в своём сознании их лепим
И пускаем прямо с кораблями в ход.

Только наши ведь мечты видений полны.
И с великой всеобъемлющей земли
Забирают плавно синие их волны,
И, неся, легко сажают в корабли.

И плывут они затем в морские дали,
Исходя на свет из нашей головы,
Чтобы мы их очень скоро увидали
В осязаемой вьязе будничной реальности.

23.04.2019

Свет от светлячков

Я хочу подарить тебе свет от своих светлячков,
Передать тебе несколько. Видишь, они живые!
Пусть они освещают дорогу твою среди дворов.
Подставляй же ладонь! Храни их под сердцем отныне.

И теперь, если даже отключат во всём мире свет
И не будет работать совсем ни один фонарь,
В магазинах вдруг скажут, что аккумуляторов нет,
Ты бери малышей-светлячков поскорей доставай.

Это будет с тобою наш самый заветный секрет.
А потом ты поделишься им тоже с кем-нибудь близким.
Когда снова наступит такой подходящий момент —
Зажигать в душах свет, чтобы он был сияюще-чистым.

10.02.2022

Луч

Всё пережить, а после сжечь,
Развеять прах над сонной бездной
И быть довольной и любезной
Со всеми, чья понятна речь,

Чьи взгляды доброты полны,
Чьих слов касался б слух внезапно
И всё переходило в завтра
На гребне жизненной волны.

И день купал рассветный луч
В прозрачной утренней водице.
Ему с утра уже не спится,
Он проскользнул сквозь грузность туч.

А после засветил в окно.
Окно, где этот луч встречали
Назло всем грустям и печалям
С улыбкой, как и быть должно.

24.02.2022

Дом у реки

А давай мы с тобой купим дом у реки:
Чтоб уютный, большой, из соснового бруса.
Рядом клумбу, посадим мы в ней васильки
И смородину, что кисло-сладкого вкуса.

Пусть растут они, крепнут и радуют глаз,
Ну а мы ими будем с крыльца любоваться.
Ты подумай, хороший мой, – может, сейчас
Наступил тот момент, чтобы взять и остаться?

Там на первом камин, воздух свеж и прогрет
И помимо ещё тёплый встроенный пол.
На втором этаже будет твой кабинет,
Книжных полок стена, кресло, письменный стол.

У камина вдвоём вечера так тихи.
Всё нам будет с тобою легко и привычно.
Я же буду писать вдохновенно стихи,
Ну а ты... Ну а ты, знаешь сам, – как обычно.

А в гостиной рояль у нас будет стоять.
Из окна будет слышаться пение птицы.
Я тебе на рояле том буду играть,
А с лугов будет плыть аромат медуницы.

И тебе я скажу: «У меня есть мечта! —
Мы давай заведём ахатин с игуаной?»
Улыбаясь, ответишь: «Уж лучше кота!»
И обнимешь. И буду счастливою самой!

24.01.2020

В искусстве

А стаи белых лебедей летят над крышами красиво.
Но ни о чём ты не жалея и будь спокойной и счастливой.
Пусть проходят каждый миг и час, и день, и год за годом.
Всё будет так, как суждено, такая будет и дорога.

Гони отчаянье и злость, смотри на трудности с улыбкой.
Приобретаем мудрость мы, через свои пройдя ошибки.
И люди временные нам даются, чтоб усилить опыт.
Не стоит осуждать других, ведь им бывает тоже плохо.

Гармония с самим собой – залог гармонии и с миром.
А так же важно для души – бальзам с занятием любимым,
Не потерять саму себя, пытаясь угодить кому-то.
Куда полезнее блуждать, в искусстве проводя минуты.

23.09.2020

На заре

Заря была красивая и яркая,
И звук в себе топила тишина.
Летали комары докучно стайками,
Над речкою серебряной кружа.

Они касались водной глади крыльями,
Зудели тонко, прячась в камыши,
И на воде, оставленные рыбами,
Круги вмиг растворялись в той тиши.

А позже угасало в небе зарево
И доносился звук колоколов,
И замирало сердце. Утки плавали.
Чтоб описать всё, не хватало слов.

Златыми куполами храм поблёскивал
На противоположном берегу.
А старый мост, поскрипывая досками,
Тихонечко качался на ветру.

2.07.2020

Хочется людям тепла

Ворвалось в мой дом полусонное утро,
Меня щекотало, слепило лучами,
Янтарным сиянием в эти минуты
Всё ярче пространство вокруг освещая.

Совсем не хотелось вставать. Утопала
В постели своей, словно в пухе гусином.
И я натянула на нос одеяло.
Так хочется людям тепла (даже сильным) —

От запаха кофе и просто уюта,
От доброго взгляда, пожатья ладони.
Душа заплутавшая ищет приюта
И очень страдает, когда не находит.

Слов несколько добрых вполне бы хватило,
Чтоб мир стал улыбкою сразу раскрашен,
Ведь хочется людям тепла (даже сильным).
И жизнь будет в радость. Ведь это так важно!

15.05.2020

Киты улетали

Тонула в бокале ещё одна долька лимона,
Покрылась вся лёгкой жемчужной игрой пузырьков.
Жизнь стала вокруг потускневшего серого тона,
А ночь без цветных, безмятежно целительных снов.

Киты улетали на юг вместе с певчими птицами.
Вослед им смотрела в окно, молчаливо застыв.
А мимо шли люди по улице с хмурыми лицами —
И пряча глаза, и сердца друг от друга закрыв.

А Божий спасительный свет был ниспослан на каждого,
Лучом, протаранившим путь среди густых облаков.
Но лёг не на них, а на книгу, для многих не важную,
Строкою написанных кем-то молитвенных слов.

Киты улетали, махали хвостами, довольные.
И не было вовсе тревог об ушедшей любви.
Вослед им смотрела, смятенная мыслями вольными, —
Чтоб всё-таки люди всегда оставались людьми.

15.03.2020

Дождь

Совсем близка осенняя пора.
И за окном так сыро, малоллюдно.
Дождь льёт сегодня с самого утра.
Он будто хочет смыть всю грязь оттуда.

Мелькают шляпки красочных зонтов.
Ах, если б дождь людей мог так очистить,
Как улицы и крыши городов,
Быть может, счастья было б больше в жизни...

Зря ожиданья возвожу на дождь,
Напрасно тешу я себя надеждами.
То, чем пропитан, вряд ли уберёшь,
И люди всё же остаются прежними.

Пусть льются капли дальше на асфальт
И мочат вещи уличным прохожим.
Мне просто жаль... Мне просто очень жаль
Тех, кто живёт вразрез канонам Божьим.

11.08.2020

Радуга

Я ходила, искала радугу
За холмами и за барханами,
Среди листьев и среди айсбергов,
За морями и океанами.

Так хотелось увидеть полосы
Разноцветные и красивые!
Не нашла даже там, где лотосы
И где берег усыпан ивами.

Я пыталась спросить кого-нибудь,
Может, видели и подскажут – где.
А они не знали. Был длинным путь,
Но, считала, важный в моей судьбе.

И ходила, искала радугу я
Во вчерашнем и завтрашнем дне.
Оказалось, она совсем рядышком,
Оказалось, она во мне.

22.11.2020

Нежность

Высушенным цветком на страницах книги
Нежность хранится в сорванных лепестках,
Во взгляде мамы при первом ребёнке крике,
В тихих и мягких кошачьих простых шагах.

В каплях, что вниз друг за другом, спеша, стекают,
В звёздах, что с неба алмазами, сотней глаз.
В мелких снежинках, что, падая, сразу тают,
В чьих-то словах, кто так искренне любит нас.

В первых побегах травы, в появлении рассвета,
Нежность бывает и в музыке, в песнях, стихах,
В женщине той, что любовью твоею согрета
И на твоих засыпает горячих руках.

5.01.2021

«Маленький» большой

Я люблю полёты в вышине
(Пусть меня считают несерьёзной),
И на самолёте, и во сне.
И люблю считать на небе звёзды.

Я мечтатель, мало реалист,
Сохранивший отголоски детства.
А местами – ярый оптимист
С вечными мечтами по соседству.

Вот такой вот «маленький» большой.
Стыдно быть не по годам ребёнком —
С доброю открытою душой?..
Но зато с ДУШОЙ, а не душонкой.

20.04.2023

Не отвечайте злом на зло

Не отвечайте злом на зло,
Не ухудшайте свою карму!
А может быть, вам повезло,
И это вовсе не случайно.

Быть может, нужно было, чтоб
Сейчас узнали, кто есть кто здесь.
Чтоб дальше не расшибли лоб
О тех, кем овладела ненависть.

Чтоб не было ещё больней,
Что кто-то поступил так с вами.
Вот так теряем мы друзей...
Но их нельзя назвать друзьями.

Обидчика вы своего
Простите, пусть себе смеётся.
Не отвечайте злом на зло,
И вам добро потом вернётся.

13.01.2023

Белки в колесе

Человек, он как белочка – просто бежит в колесе.
Оно крутит и крутит, и жизнь его тоже вращается.
Это, в общем, знакомо нам с вами, наверное, всем.
Эта белочка то замедляется, то ускоряется.

Остановится, передохнёт и опять снова в бег.
Ведь движение – двигатель общелюдского прогресса.
И какой бы там ни был за окнами нашими век,
Круговерть эта вечно доводит до нервного стресса.

Как себя уберечь в этой вечной погоне лихой?
Как успеть в этих паузах жизнью сполна насладиться?
Но, увы, только снится нам этот душевный покой
И желанье из белки в обычных людей превратиться.

14.02.2023

Январь мне совсем не пишет...

А январь-то совсем мне не пишет письма.
Он остался вдали – смелым и независимым.
Уступил он свой пост февралю и подшучивал —
Мол, я больше тебя не люблю, невезучая.

Я ему отвечала: «Да что же ты выдумал?
Ты давай там завязывай с этими играми!
Не до шуток сейчас мне совсем. Хватит, может быть.
Не всегда ж не везёт, иногда везёт вроде бы».

Но не стал меня слушать январь – крылья белые
И умчал за седые моря леденелые.
И с тех пор он оттуда не слал ни письма.
На прощанье лишь выкрикнул: «Скоро весна!»

14.02.2023

Самые близкие быют больнее

Вновь весна сердца людям греет.
А в моём же – сезон дождей.
Самые близкие быют больнее —
Оттого, что они важней.

Показались уже проталины,
Но местами под снегом лёд.
Кто был кем-то когда-то раненый,
Тот, о чём я пишу, поймёт.

Для чего существуют ненависть,
Лицемерие и враньё?..
Чтоб могли различать, наверное,
Кто со злом к вам, а кто с добром.

Эта боль, ну конечно, временна,
И дожди, что внутри, пройдут.
Выйдет солнце. Оно согреет вас
И поселит в душе уют.

18.03.2023

Город застыл среди надежд

Город застыл среди надежд
Призраком прошлого лета.
Ветви уже без одежд,
Скинули чьи-то секреты.

Птицы собрались на юг.
Вечером раньше темнеет.
Ждать будет вспаханный луг
Следующего посева.

Осень накроет на стол.
Год урожаем богатый.
Где-то скрипит старый пол —
В доме, где все тебе рады.

На редкость тёплый октябрь
Вскоре помашет рукою.
Рад бы остаться – нельзя,
Но в мыслях будет с тобою.

Тех, кого любим, – храним
Мы ведь всегда в своём сердце.
Жжёной листвы седой дым
Место займёт по соседству

И растворится потом.
Воздух опять обновится.
Жадно глотать его ртом
Станут прохожие лица.

21.10.2023

Весна с блестяще-синими ручьями

В пустых вагонах глушь и пустота.
Вновь катит электричка за дождями.
А за окном мелькает красота:
Весна с блестяще-синими ручьями.

И жизнь там беззаботна и легка,
И выпустили листики ромашки.
И гонит ветер в небе облака,
Как сотни перепуганных барашков.

«Эй, машинист! Постой, притормози
В чудесное такое время года!
Меня с собой, пожалуйста, возьми.
Люблю я дождь и посмотреть природу».

А машинист не слышит. Он везёт
Пустую электричку за дождями.
Но, глазом не моргнёшь, уже пройдёт
Весна с блестяще-синими ручьями.

4.06.2022

Игорь Вайсман

Родился в 1954 году. Живёт в г. Уфе (Башкирия).

Член Союза российских писателей. Пишет прозу, сатиру и публицистику. Публиковался в литературном журнале «Бельские просторы», еженедельнике «Истоки», сатирическом журнале «Вилы», Общественной электронной газете Республики Башкортостан, газете «Экономика и мы» и других изданиях. Рассказы печатались в различных антологиях современной прозы, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Уфе и других городах РФ.

Автор книг «Книговорот» (2016, Саратов), «Постиндустриальная баллада» (2017, Саратов), «Достоверная история Константиныча, прозванного Антиказановой» (2021, Астрахань), публицистического сборника «Может ли Россия стать флагманом всего человечества?» (2017, Москва), «Трактат об обязанностях» (2022, Москва), «Животные приближают нас к Богу» (Уфа, 2023).

Жертва науки

*Какая плачевная скудость воображения –
видеть в животных всего лишь ресурсы
нашего самопознания.*

*Карл фон Фриш,
этолог, лауреат Нобелевской премии*

Карьерная кривая амбициозного физиолога Душегубова стремительно двигалась вверх. Победы в олимпиадах в школе, золотая медаль по её окончании, красный диплом в университете, в двадцать пять лет кандидат наук, в тридцать – доктор. Своя лаборатория в НИИ, пара сотен научных статей, признание коллег в стране и за рубежом...

Правда, у супруги корифея науки, мягкой и доброй женщины, не всё в успехах мужа вызывало одобрение. Она нередко упрекала его в том, что слишком уж жёстко осуществляет он карьеру – совершенно не щадит своих сотрудников, которые, забыв о своих научных амбициях, вынуждены целиком работать на проекты шефа. А одних только мышей и крыс на свои эксперименты гениальный супруг извёл тысячи. Да что супруга, даже коллеги по работе иногда не выдерживали: «Ты животных совсем не жалеешь. Только тебе одному их и возят. Побойся Бога!»

На это Душегубов всегда парировал одинаково: «Наука требует жертв! Я целиком принёс себя ей в жертву, почему другие не должны? Мышей и крыс много, а таких светил, как я, по пальцам можно пересчитать. На месте каждого погибшего ради науки животного народится сотня, а личности моего масштаба появляются раз в двадцать лет».

Это его оправдание, если такое слово здесь уместно, несколько не удовлетворяло старшего научного сотрудника Бякина, находившего в нём варварство, садизм и непомерное самовозвеличивание. Тот был полной противоположностью своему шефу – в свои сорок пять лет едва защитил кандидатскую, да и должность получил скорее не за вклад в науку, а за двадцать с лишним лет работы на одном месте. Не преуспел он и на личном фронте, так и не создав семью.

Но переубедить начальника Бякину так и не удалось, а его слишком откровенные замечания закончились двумя выговорами и угрозой лишения премиальных.

У Бякина была любимица – белоснежная мышка с невероятно милыми глазами-пуговками. Он дал ей имя Стелла и кормил голландским сыром. Другие сотрудники лаборатории тоже баловали её, и только для сурового босса она была одной из многих, материалом для опытов, не более. Никому и в голову не приходило использовать Стеллу как подопытное животное. Но Душегубов однажды без малейших колебаний вскрыл ей череп и приступил к бесчеловечным опытам с мозгом.

– Моя Стелла! – закричал убитый горем Бякин и чуть ли не с кулаками набросился на своего начальника.

– Как вы так могли?! – возмутились другие сотрудники. – Неужели не нашлось другой мыши?!

– Молчать!!! – рявкнул профессор. – Наука требует жертв! Сколько можно это повторять?.. Развели тут сентименты, детский сад, а не лаборатория! Бякин! Ты лишаешься премии. Как закончу опыт, подпишу приказ.

Говорят, в мире действует закон (по сей день не разработанный наукой), согласно которому зло непременно будет наказано. И этим же вечером произошёл случай из ряда вон, изменивший всё в одночасье. Возвращаясь с работы домой, надежда мировой физиологии впал вдруг в какое-то странное состояние. Перестал ощущать дорогу, руль, скорость, время, видеть дорожные знаки. Потерял с самого детства неизменно присущее ему чувство реально-

сти, настоящего момента. Полностью утратил самоконтроль, чего с ним никогда не было. А затем провалился в какое-то безвременье и беспространствие.

Когда же очнулся, обнаружил себя лежащим в чём мать родила на чём-то вроде хирургического стола в странного вида белой комнате без окон и дверей и даже без углов между стенами, полом и потолком, которые плавно переходили друг в друга. Сверху, как и положено в операционных, на него ярко светили юпитеры незнакомой конструкции.

Сознание вернулось к Душегубову, и он хотел было уже вскочить со своего странного ложа и разобраться, в чём, собственно, дело, но какая-то невидимая сила словно магнитом пригвоздила его к столу. Он не мог пошевелить даже пальцем, хотя ничем не был привязан.

Через некоторое время перед ним непонятно откуда возникло несколько человечков. Это были пришельцы, точь-в-точь такие, какими их обычно изображают: с большими лысыми головами, маленькими носами и ртами и огромными миндалевидными глазами. Их было пятеро. Окружив скованного неведомой силой пленника, они поднесли к нему свои тонкие руки с длинными пальцами, в которых находились какие-то незнакомые инструменты, и приступили к операции.

Душегубова сковал смертельный ужас.

– Что вы собираетесь со мной делать?! – завизжал он каким-то фальцетом.

– Проводить научные эксперименты, – услышал он возмутительно спокойный голос. Но не ушами услышал – ответ как бы возник в его сознании.

– Вы с ума сошли! – возопил профессор ещё громче. – Я вам что, мышь лабораторная?! Я же человек! Вы что, не различаете?!

– Цель нашего эксперимента как раз и состоит в том, чтобы установить разницу между человеком и мышью, – возник в сознании издевательски безразличный голос.

Только тут Душегубов заметил, что справа от него на точно таком же столе лежит белая мышь. Да не простая мышь, а размером с человека. Волна панического страха ударила ему в голову, лишив последних остатков гордости.

– Вы не имеете права! Я буду жаловаться! – вопил он. – Я не поленюсь обратиться даже в Страсбургский суд!

Но на сей раз вместо ответа экспериментаторы отключили его голос, словно убрав громкость радиоприёмника. Физиолог орал благим матом, но собственного голоса не слышал. Со стороны это выглядело очень нелепо.

Нисколько не обращая внимания на протест подопытного, пришельцы вскрыли ему брюшную полость и очень быстро извлекли печень. А через некоторое время точно так же вырезали мышиную печень и поместили ее на место человеческой. Профессорский же орган пересадили грызуну.

Душегубов ощутил при этом лишь неприятные ощущения. По-видимому, хирурги иного мира использовали какие-то неизвестные земной науке обезболивающие. Однако от длительного шока нервы учёного не выдержали, и он впал в глубокий обморок.

Когда же пришёл в себя, то оказался в огромной клетке, наподобие тех, в каких держат мышей в его родной лаборатории. В углу стояла грязная миска с закисшими зёрнами пшеницы и чеплашка с затхлой водой.

Комната показалась профессору знакомой. Присмотревшись внимательнее, он заметил полное сходство со своей институтской лабораторией. Разница заключалась, пожалуй, только в гигантских размерах самой комнаты и всех предметов.

В лабораторию вошёл человек в давно не стиранном белом халате, и Душегубов узнал в нём выросшего в десятки раз собственного сотрудника Бякина. Выглядел тот неважно: небритый, взъерошенный, со взглядом, выражающим полное равнодушие ко всему миру. Развалившись в его (!) профессорском кресле, он достал из пакета баллон с пивом и стал пить прямо

из горлышка. Затем закурил, а пепел стряхивал в большую фарфоровую вазу – подарок заведующему лаборатории от Академии наук.

– Вот скотина! – выругался профессор. – Ты посмотри, что творит!

Однако его подчинённый если что и услышал, то лишь мышинный писк. Исполненный вселенской апатии, старший научный сотрудник битый час провёл, тупо разглядывая какие-то картинки на экране монитора. Затем со словами: «Ну что, поработаем?» направился к клетке, в которой сидел его начальник, открыл её и, взяв того за хвост, вытащил на волю.

– Бякин, ты чего задумал?! – заорал Душегубов. – Уволю к чертям собачьим!

– Ишь, распищалась! – возмутился тот в ответ. – Наука требует жертв!

Никаких обезболивающих, в отличие от пришельцев из другого мира, сотрудник профессора в своих экспериментах не применял. И объяснять их визжащему в истерике боссу даже не пытался. Хуже того, по ходу своих кровавых опытов то и дело прерывался на перекуры и кофепития. А по их окончании открыл сейф, достал ёмкость со спиртом и остограммлился.

Но Душегубов этого уже не видел: издох от адской боли и потери крови.

Наталия Говорухина

Литературной деятельностью занимается с 2015 года. Пишет прозу, поэзию, сценарии. Призёр литературного конкурса «Добрая Лира – 7», дважды лауреат литературного конкурса патриотической поэзии и прозы имени Мусы Джалиля, финалист конкурса им. С.А.Филатова «Гуманность как общечеловеческая ценность», вошла в шорт-лист литературного конкурса им. Волошина в номинации «Киностихотворение».

С 2021 года состоит в Российском творческом Союзе работников культуры (РТСРК). В 2022-м вошла в Совет молодых литераторов г. Астрахани.

Зов

Гул голосов нарастает беззвучно,
Бьют барабаны, чеканя наш шаг,
Утро туманное прячет послушно
Идола чёрный пиратский армяк.
Завтра опять растекается воском,
Искры свечи, разлетаясь, шипят.
Старые ритмы, к ним новые сноски,
В наши умы с восторгом вопят.
Мы не поверим злобным насмешкам,
Сладким речам инфо-гетер.
Птицей весенней трепещет надежда,
Зов окрыляет звучание сфер.

Живой

Ещё играю будничные роли,
Но смысла нет в тяжёлых спринтах,
Зло кровоточат стёртые мозоли,
Следы закроют коды лабиринтов.
Себя в себе узорами сплетаю,
Схожу с дороги долгой кольцевой
И, дерзко время звуку подчиняя,
Вновь чувствую, что я уже живой!

Верю

А ты не бойся тьмы,
Она лишь полотно для света,
Плетут узоры сны,
Игру растягивая на куплеты.
За ночью день
Стучится робко в двери,
Проснуться лень,
А может, просто мало веры
Шагнуть вперёд?
У вечности нет броду.
Сломать забор
И погрузиться в огненную воду
Стремлюсь,
Но страх ещё тревожит тело,
Душа зовёт
И посылает столько веры...
На дне,
Ужель нет силы превозмочь
Один лишь шаг?
И только вера может нам помочь!

Танец вечности

В нежной истоме любви
Пальцы скользят по коже,
В танце кружишься ты,
Меня вовлекая тоже.

В глубь погружаюсь свою,
Где глубина – там свобода,
Песню рассвета творю,
Жён приглашая для схода.

Шлём любовь в колыбель,
Все в хороводе широком,
Чувствуем мать в себе,
Великую Мать в истоке.

Бог

Мысль упала яблочком,
Укатилась прочь.
День назвался августом,
А была ли ночь?
Завтра ищет выхода,
Расшибая лоб,
Ведь нельзя по-тихому
Выйти из чащоб.
Мысль признала автора,
Но каков итог?
Распрощался с августом
Твой вчерашний бог.

Вечность рядом

Вечность сокрыта всегда где-то рядом.
Миг лишь один между раем и адом.
Два отражения, две перспективы
В рамках познания по-детски пытливы,
Кружат вокруг, меняя обличье,
Вечности звук воплощая циклично.
Образы-мысли гуляют по миру,
Тайные смыслы идут к нам с эфира.
Вот уж сокрыты под чьим-то обрядом,
Истины свет всегда где-то рядом.

Симург

Здесь было мне имя дано,
Прибой в нём нашёптывал сказку,
И древнее веретено
Сплетало из пены развязку.
Устами и мыслью слагаю
Пророчества мудрой птицы,
И светом любви озаряют
Полёты Симурга с зарницей.

Виктор Голубев

Родился в 1963 году в Ленинграде (Санкт-Петербург). В 1986 году окончил Ленинградский кораблестроительный институт. Трудовая деятельность до сих пор связана с современным машиностроением и новейшими конструкторскими разработками.

Начал писать в 1990-е годы. Опубликовано несколько повестей, объёмный роман в жанре психологической драмы «Бомба в голове» и два цикла стихотворений, большая часть которых создана в последние 8–10 лет.

Направления в творчестве, в которых работает автор, – поэзия, жанровая проза, интеллектуальные романы, истории о любви, о столкновении идей и взглядов, философия. Публикуется в изданиях Русского литературного центра и издательства «Четыре».

Беседы о любви

Непогожею темною ночью
Окатило ненастье дождем,
Раскидало пугливости клочья
И заверило ласково:

К о л д у н

Ждем.
Ждем размаха безумного крыльев,
Увлеченности дикий порыв
И вообще удивительной силы
Потрясающий, сказочный взрыв.
Будешь видеть седые равнины,
Потакать многозвучию лир.
Хочешь – с важностью топай павлином,
Хочешь – сам переделывай мир,
Забирайся на горные кручи
И веди за собою бойцов
Или словом, сметающим тучи,
Выводи на просвет подлецов.
Закаляйся под натиском ветров,
Удаляйся в глухую тайгу,
Отмеряй глубины километры —
И тогда я тебе помогу.

П о э т

Нет, такого всего не хочу я.
Мне не надо кичливо потеть,
Чтоб, влюбленности счастье почуяв,
Гордо реять (не просто лететь),
Развернуть благодарственный трепет,
Деловитую в жизни возню,
Урезонить свой мысленный лепет,
Что десятый придется на дню,
Чтобы жить с наполнением легких,
Сделать смелый, порывистый шаг.
И для этих всесилей нелегких
Мне не нужен в помощники маг.

К о л д у н

Ты не понял. Вся эта услада,
Все твои золотые мечты
Воплотятся по жизни как надо.
Главный в их воплощении – ты.
Лишь когда ты скучать не захочешь,
Засвербит к переменам душа,
Будешь в полдень активным и ночью,
Ты узнаешь, как жизнь хороша.

П о э т

Что резону не видеть обмана
И стоять на ступенях судьбы,
Словно тухлый любовник, жеманный,
Обретающий тень ворожбы?..
Ты возносишь великое чувство
До такого простого витка!
Я бы запросто свергнул искусство
С пьедестала, но жизнь коротка.
Что ты знаешь о грусти смятений?
Что ты можешь взамен предложить?
Мне не раз подзаправиться ленью
Предрекала предвестница-нить.
И в каком бы крутом поднебесье
Я ни жил, удаляя слова,
Я нигде не бравировал спесью,
Тем, о чем не болит голова.

К о л д у н

Рев победы в нагретом затишьи —
Для тебя это, ясно, не цель.
Ты себе забронировал нишу
Под апрельскую радость-капель.
Но во всей трескотне поэтизма,
В чем твоя путеводная нить,
Лишь изрядным таким аскетизмом
Ты способен иных поразить.

П о э т

Не согласен. Мне действовать смело
Не мешает покладистый нрав.
Я не буду пушистым и белым,
И особенно там, где неправ.
Но в гульбе разукрашенных знаков,
Где как будто бы зреет задор,
Где покрыты неровности лаком, —
Слишком круто очерчен их двор.
Где там страстного сердца виденья?
Где свободных художеств доска?
Только мягкие всюду сиденья
И от глупостей скрытых тоска.
Не найти там свободное племя
И не встретить гонимую суть —
Сквозь победы летящее время,
Сквозь заторы проложенный путь.
В чем-то бедственный лик простодушья,
Как и ревностный выводок сил,
Для страдающих вечно удушьем
(Кроме тех, кого вирус скосил).
Есть на свете великое чудо,
Самых верных частичек союз,
Что не знают про здешние ссуды
И страдают беспечностью муз,
Где в протоках и узких каналах,
Как безумная, носится кровь,
Сотрясая историй анналы.
Это малая малость – любовь.

2021 г.

Рождение идеи

Ночью впорхнула вдруг мысль беспризорная, деточка,
И зацепилась, подружка, за самые крайние клеточки.
Долго возила в пространстве ручонками слабыми,
Все норовила пристать ко мне глупыми «жабами»,

Спуталась с памятью, лоском, отменными вкусами,
Клеилась к мозгу прямым умноженьем и плюсами.
Ей теорем, сопромат, математик анализы
Вышли как клоп, оживленный в потемках катализом.

Я, пока спал, пропустил ее детство и отрочество,
А повернулся – она обросла уже отчеством,
Ярким сиянием пошлых осенних фонариков,
Как превращенный из дикости в правильность Шариков.

Ну и теперь ее высшая гордость-величество
Больше, чем я, в этом матричном мире наличествует.
Всем управляет: моими желаньями, вкусами,
Дядями, тетями, внуками всеми безусыми,

Роем мыслителей, нашей страной почитаемых,
Вечностью мира, в легендах своих прославляемой.
Я уж не ведаю, кто из нас был прохиндеем —
Сам я иль эта из воздуха ярость-идея.

2021 г.

На взводе

Находишься так, что уже заплетаются ноги,
Устанешь, как долго блуждающий раненый зверь.
Уймись, мое сердце, точащее ребра в дороге,
Не надо стучаться в закрытую накрепко дверь.

Не смотрят глаза, и не слышатся мягкие звуки,
Не тронута ветреной лаской тяжелая грудь, —
Лишь злости, борьбы, раздражения дикие муки,
Крикливо зовущие в дальний нерадостный путь.

Как лист погрузневший прилип на одежду, не знаешь.
Пропущен отмеченный в детстве причудливый грот.
Стремишься за кем-то иль просто от всех убегаешь,
Теряя за каплею капля большое добро?..

И столько красот, удивлений проносятся мимо,
Так лихо и быстро мелькают изгибы канав,
Что даже не помнишь, где лес потерял свой любимый,
Где сгинул в изгнании, здесь ничего не поняв.

2021 г.

* * *

Прочти мою былую грусть,
Воспламенись моим убранством,
Где так я голоден. И пусть,
Не добежав до постоянства,
Я встретил ветрености пыл,
Мне снились наледи на почках —
Я, как блаженствующий, был
Готов любить чужую дочку.
Я так надеяться хотел
На тихий отклик сердца, томный,
Что оказался не у дел
В твоём пространстве вероломном.
И вот тоски тревожной час
Ударил мне в крутое темя.
Ты выделялся среди нас,
Но представлял другое время.
И тот затейливый кафтан,
Что, сшитый вместе, был нам дорог,
Теперь натягивает брань
На две свои тугие створы.

Прочти мою былую грусть,
Но пусть тебе не будет горько
На жизненном подъеме. Пусть
Она укатится под горку.

2022 г.

Сергей Гошев

Прозаик, детский писатель, публицист. Член Союза писателей России с 2015 года.

Родился в г. Котласе Архангельской области (РФ). Жизнь связал с армией, прослужив от рядового до офицера. Выполнял спецзадания в Афганистане, Таджикистане, Чечне. Проходил службу в Сирии.

Призёр, финалист, лауреат международных, всероссийских, региональных литературных конкурсов. Член жюри международных, российских и региональных литературных конкурсов. Пишет картины, иногда сам иллюстрирует свои книги.

Занимается патриотическим и духовно-нравственным воспитанием молодёжи. Награждён медалью «За заслуги в военно-патриотическом движении России» (2019). Имеет государственные, литературные и общественные награды.

Афганская ромашка

Шёл 1991 год. За время перестройки вывели из Афганистана войска, страна захлёбывалась в нахлынувшей свободе слова, действий и безнаказанности. Я летал на больших военно-транспортных самолётах. Полк базировался в Литве. На утреннем полковом разводе экипажу поставили задачу: выехать в город Тарту (Эстония) и принять на местной авиабазе новый самолёт Ил-76 МД.

Утром следующего дня мы были уже на КПП Тартуского гарнизона. Дежурный попросил подождать и выбежал навстречу остановившейся чёрной «Волге». Вышел стройный генерал-майор, дежурный взял под козырёк и приступил к утреннему докладу. Отрапортовал. Проходя мимо, генерал поприветствовал и нас. Вытянулись, отдали честь. Наш командир экипажа представился по форме и сообщил цель прибытия в гарнизон. Генерал поочерёдно пожал всем руки и распорядился, чтобы позвонили в столовую, где нас покормили бы завтраком как вновь прибывший экипаж. Мы были удивлены такому гостеприимству. Даже и не мечтали о горячем кофе с молоком, так как шёл уже одиннадцатый час.

Возвратившись на родную авиабазу в Паневежис, приступили к подготовке самолёта и отработке боевых навыков, чтобы вернуться из зоны военных действий живыми.

По решению правительства СССР мы должны были обеспечивать афганские войска боеприпасами. 15 февраля 1989 года 40-я армия официально покинула территорию Республики Афганистан. Произошёл перевес сил в сторону талибов, которые воевали против законного правительства Наджибуллы. Война вспыхнула с новой силой, и провинция за провинцией падали под натиском жестоких и кровожадных сил, выступающих под чёрными флагами. Американские комплексы «Стингер» были главным оружием у моджахедов в борьбе с воздушными целями. Наши самолёты и были этой целью.

В учебном классе для подготовки лётного экипажа мы пропадали целыми днями.

– Сергей! – наставлял меня командир. – На плановых учениях действуем слаженно, как единый организм. А ты – наши глаза! Здесь имитация противозенитного манёвра, а там всё будет происходить реально. При захвате самолёта как цели у тебя сработает датчик облучения. Но ты должен ещё раньше датчика увидеть пуск ракеты с земли. Всё время следи за горами. Верти головой и налево, и направо. Особенно когда будем проходить над Панджшерским ущельем. Доклад по СПУ (самолётное переговорное устройство) должен быть краток и безошибочен. Например: «Вижу вспышку с правого борта». При этом сразу производи отстрел ловушек в эту же сторону, а я увожу самолёт из зоны поражения в противоположную. Прикрывать некому. Наших войск там нет. Помочь сможет только наш профессионализм.

Всё было отработано и доведено до автоматизма. Мы вылетели в Ташкент. Жарой с гуляющим запахом керосина встретил военный аэродром. Командир уехал в штаб, а мы разделались по пояс, открыли рампу и начали готовить самолёт к боевому вылету. К нам подъехал «Урал» с ЛТЦ (ложные тепловые цели). Тепловые ловушки на борту самолёта устанавливаются в специальные держатели, так называемые автоматы сброса или автоматы постановки помех. Радист, поднявшись по стремянке к верхним блокам, вытаскивал кассеты, аккуратно бросая вниз. Мы ловили, заряжали, затем так же аккуратно подкидывали их вверх, где радист ловил и вставлял назад в автомат сброса. Накидались так, что руки гудели. А ещё надо было зарядить нижние автоматы постановки помех. Когда всё было готово, распластались кто где под самолётом. Главное – не двигаться.

Но отдыха не получилось. Приехал ещё один «Урал» с боеприпасами. Подогнали его задом вплотную к рампе, тельфером подцепив груз, стали загружать в грузовой отсек. Машины подходили и подходили... Загрузили под самый верх, перебросили стальные цепи через горы

смертоносного груза, крепко затянули, чтобы при взлёте ничего не сдвинулось. Наш самолёт превратился в летающий арсенал.

Наконец-то солнце спряталось за горы. Подул свежий ветерок. Стало легче дышать.

– Осталось зачехлить бронестёкла, опечатать борт, и все идём на ужин, – радостно объявил помощник командира экипажа.

Лётная столовая... Это своего рода отдушина для лётчика. Свежие ромашки в вазочках, обстановка располагает к «а поговорить?». Экипаж собирается за одним столом, говорит о насущном, шутит, вдыхает домашний уют.

Горячий чай в столовой не утолял жажду, а тёплая вода в графине сильно отдавала хлоркой. Пить её было невозможно, если только небольшими глотками и при этом зажать нос. Ужинать не хотелось. Пот в душном помещении тёк струйками по лбу и заливал глаза, собирался на кончике носа и капал в тарелки, когда наклонялись. Мы смотрели друг на друга и смеялись. Когда очередная капля пота упала в тарелку, командир неожиданно для всех выкрикнул:

– Официантка! Где салфетки, чёрт побери?

Из кухни выбежала худенькая, ладная молодая девушка. Голубые удивлённые глаза испуганно смотрели на нас. Белый фартук, обшитый кружевом, изящно охватывал её стан и смотрелся как свадебное платье. На голове была прикреплена накрахмаленная кружевная накладка, которая очень напоминала венки невесты. Она, как кошечка, осторожно подошла к командиру и с удивлённым выражением лица извинилась:

– Простите, я, наверное, мало положила... Сейчас исправлюсь!

– Стоять! Анютка?! А ты почему здесь? Почему не в институте? – командир удивлённо смотрел на девушку.

– У меня каникулы. Вот и попросила папу устроить меня на месяц поработать...

Анюта ушла за салфетками. А мы засыпали командира вопросами. Он стал отбиваться.

– Да я сам не сразу узнал. Это дочка моего друга. Последний раз видел её на новогоднем вечере в Доме офицеров. Она играла на фоне вальсы для танцующих. А кто-то весь вечер простоял у пианино, разглядывая девушку и смущая её, – командир посмотрел на штурмана, который сидел красный, как рак, опустив голову. Мы тоже перевели свои взгляды на него. Замолчали. – Ну, что уставились на холостяка? Не смущайте. Мы-то уже все через это прошли, а у него ещё всё впереди.

Пришла Анюта, стала торопливо укладывать салфетки в ажурную деревянную салфетницу. Командир остановил её:

– Не спеши. Уже уходим отдыхать. А вот завтра, когда вернёмся, попроси приготовить нам холодничка. И масло с шоколадом заранее не выставляй на стол, а до последнего держи в морозилке. Посмотри, что сделала с нашим маслом жара. А шоколад даже не развернуть, если только с фольгой съесть!

– Да. Конечно, Дмитрий Иванович! Вы только возвращайтесь...

Перед гостиницей мы построились, командир зачитал полётное задание на утро. Разошлись по комнатам, надо отдохнуть перед ранним вылетом. Меня разместили в номере с командиром. Он ушёл по делам, сказал, что будет поздно. Но я решил дожидаться, сел читать книгу. Вскоре глаза стали слипаться, часы показывали одиннадцать. Всё, пора спать. Выключил свет, улёгся, закрыл глаза. Вдруг что-то зашуршало под шкафом. «Наверное, мышонок. Не буду обращать на него внимания. Пусть живёт...» – промелькнула мысль.

Дрёма стала окутывать сознание. Почти заснул, как вдруг по моему лицу что-то пробежало. Машинально схватил это что-то в кулак и брезгливо швырнул на пол. Открыл глаза – темнота. Ничего не видно, но слышно, как кругом всё шуршит и шевелится. Когда почувствовал, как по телу побежали какие-то существа, перебирая лапками, быстро вскочил с кровати. Под босыми ступнями тоже что-то шевелилось и хрустело, будто опустил ноги в кучу живых семечек. Ощупью добрался до двери и включил свет...

От увиденного у меня самопроизвольно открылся рот. Номер кишел чёрными тараканами размером с крупный чернослив. При свете они, расправив крылья, стали летать по комнате, прятаться в складках штор, залезать под обои. Чёрный пол стал на глазах превращаться в коричневый. Через несколько минут все тараканы исчезли. И только раздавленные моими ногами трупки предупреждали: ты здесь не один...

Сон как рукой сняло. Принял холодный душ, перетряхнул постель, подмёл пол. Свет больше не выключал. Повернулся к стене и закрыл глаза. Попытался заснуть.

Осторожно открыв дверь, зашёл командир. Налил из термоса чай (аромат растёкся по всей комнате) и стал листать какие-то карты, сидя за столом. Чтобы не мешать ему, я лежал, не шевелясь, и думал: «Мы отдыхаем. А он переживает, обдумывает завтрашний день. Да, есть над чем задуматься. Стоит только прозевать ракету, выпущенную с земли, как нас с таким грузом разнесёт в пух и прах. А если кто и спасётся, каким-то чудом выпрыгнув с парашютом, то на земле наших войск уже нет. На сотни километров – одни головорезы».

Сон подкрался...

Проснулся от трезвона будильника.

– Пора! – сказал командир. Взял вафельное полотенце, которое висело на дужке кровати, и пошёл в ванную комнату. Кровать была даже не помята. Спать он так и не ложился.

Утренняя прохлада залезала под комбинезон и радовала тело. Это было райское наслаждение перед адом – изнуряющей дневной жарой. Помощник командира принёс из оружейки металлическую коробку. Раскрыл перед нами – в ней аккуратно, по ячейкам, лежали полученные на экипаж пистолеты Макарова.

– Ну, расписывайтесь в ведомости и разбирайте, кто желает застрелиться сразу! – глупо пошутил он.

Мы молча, с недоверием смотрели на его ухмыляющуюся физиономию. Никто не решался брать личное оружие первым. Командир всё решил за всех. Закрыл ящик и приказал помощнику носить его всегда с собой и лично отвечать за сохранность, пока не поумнеет.

– Как это, командир?

– Как, как... Легко и молча!

– Есть! – обречённо ответил шутник и пошёл следом за нами.

После проведения предполётной подготовки самолёта построились перед кабиной. К нам на большой скорости приближался УАЗ. Из него вышли люди в лётных комбезах и в гражданке. Молча осмотрели самолёт снаружи и внутри. Раздали загранпаспорта, сверив фотографии с нашими лицами. А потом документы перекечевали в папку приезжего чиновника.

– Можете лететь.

– Есть! – ответил командир и подал команду: – По местам! Доложить о готовности к запуску двигателя!

Всё завертелось, и вот мы уже остановились у торца взлётной полосы... Дмитрий Иванович получил разрешение на взлёт и подал по СПУ команду:

– Внимание, экипаж, взлетаем.

Двигатели взревели, и самолёт начал разбег. Гружённый до отказа смертоносным грузом, он тяжело стучал по бетонным стыкам своими двадцатью колёсами. Скорость росла, за бортом мелькали домики. Казалось, что полоса закончится и не хватит у движков силы, чтобы оторвать эту махину от земли. С последних плит лайнер тяжело взлетел, и я, глубоко вздохнув, спокойно глянул вниз на уменьшающийся аэродром. Увидел одинокую машину, возле которой всё ещё стояли люди, провожавшие нас, и наблюдали за взлётом. Что они думали, можно было только догадываться...

Самолёт поднимался всё выше и выше над растущими в ширину и высоту величавыми горами, оставляя их под собой. Вскоре между ними заструилась голубая лента пограничной реки Амударья. Термезский мост связывал два берега. А дальше дорога, извиваясь, уходила

вглубь Афганистана. Мы шли в режиме радиомолчания. Я чувствовал внутреннее напряжение и внимательнейшим образом следил за театром военных действий, проходившим внизу. Наверное, не один десяток глаз наблюдал и за нами с земли. Каким лакомым куском для моджахедов был наш лайнер! И мы это чувствовали. Вдалеке, по направлению дороги, тянулись два чёрных столба дыма. Приблизившись, увидели горящие бензовозы и движение вблизи них.

– Впереди Панджшерское ущелье, – сообщил штурман.

Командир отдал приказ произвести отстрел тепловых ловушек. Поочерёдно, то с левого, то с правого борта, стали вылетать ракеты, защищающие нас от стингеров. Лесистое ущелье было излюбленным местом боевиков. Можно легко спрятаться в «зелёнке». Кроны деревьев помогали скрыть первоначальную вспышку при выходе ракеты из пускового контейнера. Миновав ущелье, мы приближались к столице Афганистана, городу Кабулу. Он расположен среди гор, образующих котловину. Наступал самый опасный момент.

– Внимание, экипаж. Произвожу афганский заход по спирали.

Самолёт накренился. Нас держали только ремни, не давая вылететь из кресел. Сверху было видно, как народ на улицах города замер, наблюдая за нашей птицей. Ревущую машину лихорадочно трясло от перегрузки. Стрелки приборов плясали, отсчитывая всё новые и новые показания. А в наушниках неслись доклады членов экипажа. С воздушной трассы самолёт выходил на аэродром, выпуская шасси, спойлеры приводя в тормозной режим. Уменьшалась скорость, и лайнер устремлялся к земле. 200-тонная машина падала с высоты. Кружа над аэродромом, как одинокий аист, Ил становился уязвимым. Крутое пикирование с отстрелом ловушек для ракет обеспечивало быстрое снижение. В несколько витков воздушный корабль с грузом выходил на посадочную прямую. Далее выравнивание и посадка. Уход на второй круг – это риск быть сбитым. Только посадка!

Самолёт ещё бежит по полосе, а я уже открываю рампу. Клубы красной пыли с горячим воздухом ворвались в грузовой отсек Ила. Мы зарулили к месту выгрузки, где ждала уже целая колонна машин. Афганцы-водители неплохо понимали русскую речь, и выгрузка бомб шла активно. Их сразу же развозили по стоянкам, где подвешивали на истребители.

На аэродроме наш экипаж находился в полной готовности. При возможном миномётном обстреле – срочный взлёт. Подъехала белая «Волга», это были представители посольства России. Командир подошёл к ним, а мы стали заряжать блоки новыми тепловыми ракетами. Это полтора часа активной работы с небольшим перекуром.

Над аэродромом нарастал гул. Истребители выруливали на взлётку и, взревев, один за другим уходили в небо с нашим грузом. Афганские лётчики отправлялись бомбить моджахедов. Подошёл местный генерал и стал рассматривать нас и наш самолёт. Мы продолжали, не обращая на него внимания, заряжать блоки. Прибывший с посольской машиной переводчик стал охотно рассказывать ему, что мы делаем. Командир, увидев, что всё готово, подал команду:

– Экипаж, по местам! Доложить о готовности!

И опять в наушниках зазвучали четкая полётной карты и команды: «Взлетаем, высота... приготовиться к отстрелу с правого борта...» Пустой самолёт быстро по спирали набрал высоту, оставляя за собой серпантин огня и дыма, и лёг на заданный курс.

– Подлетаем к Панджшерскому ущелью, – доложил по СПУ штурман.

– Приготовиться к отстрелу поочерёдно с левого и правого бортов! – скомандовал командир.

Под нами горы сменились обширной территорией зелени. Я вглядывался в землю, в дорогу, убегающую в горы, и... от неё стремительно в нашу сторону поднимался белый дым.

– Справа ракета! – кажется, даже чересчур громко доложил я.

Тут же самолёт резко ушёл в противоположную сторону, а из четырёх блоков выстрелили все имеющиеся в наличии тепловые ракеты. Слева и справа стояла сплошная стена огня и

дыма. Настоящий салют вокруг нас. Через пару секунд вылетели из него. Я доложил, что мы пустые. Кто-то из экипажа нажал пульт аварийного сброса ракет. Командир молчал. Теперь самолёт стал беззащитен. Осталось надеяться только на Всевышнего. И Он нас услышал.

На аэродроме борт тщательно осмотрели наземные техники. На третьем двигателе были повреждены лопасти. «Нужно менять», – был приговор. Совместно с техниками сняли с пилона двигатель, чтобы завтра заняться установкой нового. Провозились до вечера.

Уставшие, голодные, но счастливые, мы шли весёлой компанией к лётной столовой. Вдруг услышали тихое всхлипывание. Остановились. На скамейке у кустов жасмина сидела Аня и плакала. Она никого не видела и не слышала. Нарвав для столовой охапку ромашек, сосредоточенно отрывала лепестки с очередной... Что-то тёплое, домашнее, милое было в этой божественной картине: девушка в лепестках от ромашек... Стояли, смотрели и молчали, боясь спугнуть её тревожное счастье.

– Валера, – командир шёпотом подозвал к себе штурмана. – Это она о тебе на ромашках гадает. Ты сейчас самый счастливый человек на земле.

– Потому что живыми вернулись?

– Ну, это только начало нашей ромашки! Нам ещё летать и летать. А твоё счастье в том, что поехала за тобой и ждёт тебя здесь такая славная девушка. Подойди, не спугни и не упусти свою ромашку...

Лебединая верность

Городское озеро – это украшение нашего города и любимое место отдыха горожан. Здесь проводят водные соревнования, гуляют, совершая променад, или просто сидят с удочками на берегу и размышляют: «Не знаю, наловлю ли на жарёху, но коту Ваську уже есть чем порадовать». Сюда приходят мамы и папы с детьми, бабушки и дедушки с внуками, чтобы покормить уток и неугомонных чаек.

Как только выпадает свободный денёк, я тоже прихожу сюда с внуками, Максимом и Александрой: насладиться тишиной зимой, пением птиц – весной, буйством красок – летом, шелестом листвы – осенью.

Сегодня бушевала весна! Внуки кормили уток, чайки с криком ловили кусочки хлеба на лету, не давая им даже упасть в воду. Терпкий аромат цветущих рябин смешивался с запахом клейких листочков тополей и лип.

Вдруг свистящий шум над головой нарушил эту весеннюю «тишину». Все гуляющие как по команде замерли, с восхищением провожая взглядом летящих над головами могучих белых птиц. Это прекрасные лебеди вернулись домой. Облетев озеро, как самолёты, стали планировать на его гладь. Завораживающее зрелище!

– Ура! Кай и Герда прилетели! – запрыгал от радости Максим. – Пошли их кормить!

Заметив нас ещё издали, Кай двинулся к берегу. За ним осторожно плыла Герда.

– Деда! Они узнали нас! Смотри, плывут к нам! – радовался внук.

Лебеди, переваливаясь, вышли на берег. Такие грациозные в воде, они неуклюже передвигаются по суше.

Осторожно поднося к клюву корм, внуки кормили птиц.

– Всё! – внук развёл руками. – Больше ничего нет.

Лебеди пошли к воде. А мы отправились домой.

– Дедушка, а почему лебеди тебя не боятся? Они тебя узнали? – спросила Александра.

– У них очень хорошая память. Если на них однажды замахнуться, то они больше никогда не подплывут к этому человеку. Кстати, живут они, как и люди, до ста лет, и лебёдушку выбирают на всю жизнь.

– Они друг друга в лицо запоминают? Но ведь все лебеди одинаковы! – удивилась внучка.

– Это нам кажется, что они все одинаковые. А вот молодые лебеди-женихи, выбрав себе невесту-лебёдушку, к другой уже никогда не подплывут. Молодая невеста-лебедь плавает под защитой своего папы. Отец оберегает свою дочь и женихам не даёт близко подплывать к ней. Шипит, вытягивает шею и, подняв парусами крылья, демонстрирует своё превосходство и силу. Настоящий влюблённый лебедь сутками кружит вокруг своей избранницы, красиво распуская крылья. Убедившись, что чувства молодого лебеда сильны, отец-лебедь позволяет жениху приблизиться к невесте и погладить своим клювом её тонкую белоснежную шею. Теперь они всегда будут вместе и вскоре улетят на другое озеро, где будут растить своих деток. То озеро станет для них домом, сюда они уже никогда не прилетят.

– Деда, а ведь люди как птицы. Мы тоже возвращаемся в родные края после отпуска.

Я посмотрел на внука, улыбнулся:

– Правильно, Максим, родина у человека одна, так же, как и родители.

– Бабушка и дедушка тоже! – добавил внук.

Погладил маленького смышлённыша по русым кудряшкам и указал на весёлую свадебную компанию, идущую к смотровой площадке на берегу озера. Все отдыхающие смотрели, как жених и невеста под звуки музыки стали кружиться в вальсе. Он в белом костюме, она в белоснежном платье, раздуваемом налетевшим ветром, напоминали влюблённую пару лебедей, плавающих на озере. Я засмотрелся.

– Дедушка, – дёрнула меня за рукав внука. – Они теперь, как лебеди, будут жить до ста лет?

– До ста лет дожить – это здорово! А вот одной воспитать детей и до конца жизни сохранить верность погибшему на войне любимому могут только люди, наделённые лебединой верностью.

– Дедушка, а ты знаешь таких людей? Расскажи! – попросила Александра.

– Ребята, пошли домой, там, наверное, бабушка заждалась нас к обеду. А по дороге я вам расскажу про самую что ни на есть лебединую верность. Вы помните фотографию, что висит у нас над камином?

– Да, – откликнулись внуки. – Там прадедушка Илья и прабабушка Саша.

– Это они вашей маме прабабушка и прадедушка, а вам прапрабабушка и прапрадедушка. Молодцы, что знаете и помните! Вот про неё я и расскажу вам. . .

У Александры Григорьевны было уже пятеро детей, когда по радио сообщили, что на нашу страну напал враг. Её муж, Илья Никитович, был офицером-танкистом и убыл на фронт. Письма от него приходили регулярно. И вот пришло письмо из-под Сталинграда, теперь это город Волгоград. Илья писал: «Идём в бой. Или грудь в крестах, или голова в кустах. Береги детей: Володьку, Кимку, Тамарку, Клавку и Нину; и меня не забывай». Больше писем не было. А в марте 1943 года почтальон принёс похоронку, где сообщалось, что Головачёв Илья Никитович в бою за Социалистическую Родину был ранен, умер от ран в госпитале 3 декабря 1942 года. Похоронен в братской могиле восточнее хутора Платоновка Сталинградской области.

Росли дети. Бабушка Саша всегда жила так, как будто её невидимый муж рядом и помогает ей. Соседи завидовали, а она, уставшая от работ на колхозных полях, по ночам перешивала для дочек платья, удлиняла брюки сыновьям, плакала. Ей неоднократно предлагали выйти замуж (было-то Александре всего тридцать пять лет, когда кончилась война), но получали отказ. «Нет, Ильюшка в моём сердце», – слышали от неё воздыхатели.

Шли годы. Вот уже и внуки подросли. Старшая внучка, ваша бабушка Таня, выучилась на учительницу, вышла замуж тоже за военного, то есть за меня. В первый наш отпуск мы решили съездить туда, где решалась судьба нашей страны, где сражался дед Илья.

Приехали в город Волгоград вечером. Сразу же пошли на набережную полюбоваться великой русской рекой Волгой. Красота! Пароходы курсируют по реке, уходят в даль, превращаясь в маленьких светлячков, и гудят, приветствуя друг друга. Величественная скульптура «Родина-Мать зовёт!», установленная на вершине Мамаева кургана, будто летит в облаках над городом, напоминая нам: «Здесь был остановлен самый жестокий враг человечества – фашизм. Люди, помните это. Забывший прошлое будет уничтожен ещё более коварным врагом». Мы побывали в музее города. Но главная цель нашей поездки – могила деда Ильи.

В извещении было указано: братская могила восточнее хутора Платоновка. Утром мы были уже там. Представьте себе: жаворонки поют, степь, белый обелиск; два свежеекрашенных орудия по краям смотрят стволами вверх, как будто говоря: «Только суньтесь!»; оградка, несколько скамеек и. . . школьники с учительницей. Ребята подметали центральную площадку, высаживали цветы, бережно вынимая их из ящичков с рассадой, поливали уже посаженные, тихо переговаривались.

Конечно, на нас сразу же обратили внимание. Мы поздоровались, положили цветы к обелиску, нашли фамилию деда.

– Вы чьи? – спросила учительница, немолодая, в очках, сквозь стёкла которых на нас смотрели добрые, немного грустные глаза.

Ребяточки подошли к нам.

– Я внучка Головачёва Ильи Никитовича. . . – ответила ваша бабушка Таня. И показала фотографию.

– Знала этого лейтенанта. Похож! А это жена? Красивая пара! – учительница улыбнулась. Грустные глаза сразу преобразились.

– Вы знаете, как он погиб?

– Нет. Видела его ещё живым, 17 июля 1942 года. Александра Ивановна Патрушева, учительница местной школы, – представилась она.

– Бывают же совпадения! Бабушку тоже зовут Александрой, Головачёва Александра Григорьевна. Меня зовут Татьяна, а мужа – Сергей. Александра Ивановна, может, расскажете нам о дедушке? – Ребята тоже вопрошающими взглядами смотрели на учительницу.

Мы присели на скамейку. Школьники расположились вокруг нас на траве.

– Конечно, расскажу. Позвольте, – учительница взяла фотографию. – И через сто лет узнала бы это лицо, хоть и было оно обожжено и в копоти. Именно благодаря таким людям я и многие другие остались живы на этой прекрасной земле... – Задумалась, сняла очки, казалось, что перед ней не фотография, а волшебное зеркало, в котором увидела те страшные события войны.

Все молчали, боялись что-то спугнуть.

– Сразу после объявления войны отец и братья ушли на фронт. Я перед войной окончила учительский институт и вернулась работать в родное село. Это был мой первый учебный год. Экзамены в школе закончились. Мы с мамой возились в огороде. Наш дом стоял на углу. Окнами он выходил на центральную улицу, а огород граничил с переулком, который вёл к небольшому парку. Там были летний кинотеатр и деревянная танцплощадка – излюбленное место отдыха. А чуть дальше – озеро. На озере стоял шум, детвора плескалась. Вдруг наступила тишина. Я подняла голову, не понимая, что случилось...

Раздался дребезжащий гул, зазвенели стёкла. Выбежала на дорогу и обомлела. Несколько танков и бронемашин с крестами двигались, поднимая столбы пыли и сажу. За ними – автоматчики и мотоциклисты. Немцы... В страхе вернулась в хату. Задёрнула занавески на окнах, а мама неустанно крестилась и читала молитвы. Звон разбитого стекла, обезумевшие крики женщин, детей и трескотня автоматных очередей нарастали с каждой минутой. Меня трясло. Казалось, что мир рушится и больше никогда ничего хорошего не будет, а может, и самой жизни не будет.

Сильный удар сапога чуть не сорвал дверь с петель. Вошёл толстый автоматчик с улыбающимся лицом. За ним ввалились ещё два немца. Они кинулись обшаривать дом, разбрасывая все вещи. Свиные маленькие глазки первого рыскали по хате. Вдруг его взгляд остановился. Он двинулся ко мне. Я вскочила, схватила лежащий на столе нож, спиной упёрлась к стене.

– Штеен! – Фашист наставил на меня автомат, передёрнул затвор.

Мама бросилась к нему в ноги, чуть не сбив его, и зарыдала, умоляя не трогать меня. Немец что-то крикнул, солдаты грубо схватили нас и вытащили из хаты. Сплошной вой обезумевших людей слышался кругом. Несколько домов уже горели. В задымлённых сараях мычали испуганные коровы, визжали поросята, кудахтали куры, блеяли козы... Хаос... Безумие... Наш пёс рвался с цепи, кидаясь на непрошенных гостей. Но тут же был пристрелен автоматной очередью толстого немца. Он, ухмыляясь, смотрел то на меня, то на собаку, мучающуюся в предсмертных судорогах.

И тут произошло чудо! Стоявший в парке немецкий танк вздрогнул и охватился столбом пламени. Немцы, побросав награбленное, убежали на дорогу и начали беспорядочно стрелять. Мы с мамой, не сговариваясь, бросились в сарай и заперлись там. Стрельба усиливалась, было слышно, как осколки и пули вонзаются в брёвна сарая. Сидеть и ждать было тяжело.

– Мама, я поднимусь на чердак. А оттуда в батькову голубятню. Посмотрю, что там.

– Ой, доченька, только не высывайся. А может, здесь со мной схоронишься?..

Не слушая маминых уговоров, я пробралась в голубятню. Голубей не было: они, испугавшись дыма, кружили в небе. Оглядела округу и поняла, что на немцев напали три советских

танка и пехотинцы. Один наш танк стоял в начале улицы. Вокруг него суетились танкисты, что-то ремонтируя. Два других танка с пехотой ворвались в парк. Пара танков противника уже горели, а наши утюжили скамейки танцплощадки и летнего кинотеатра, где аккуратными стопками были разложены немецкое обмундирование и автоматы. Сами же фашисты, раздевшись, резвились в озере, смывая пыль и грязь. Появление «тридцатьчетвёрок» для гитлеровцев было полной неожиданностью. Пехота с криком «ура!» кинулась на немцев с таким ожесточением, что они, обезумев от вида русских штыков, визжали, заглушая рёв моторов. Бой набирал силу.

Сверху я видела, как на центральной улице немцы влезли в бронемашину и двинулись в район парка. За ними, выпустив столб искрящейся гари, двинулся немецкий танк. Я схватилась за сердце, посмотрела в парк: «Где наши?»

В парке, прячась за опрокинутым памятником Ленину, отстреливалась ещё небольшая группа немцев. Наш танк заходил им в тыл, объезжая лежащий памятник. Даже в суматохе боя механик-водитель не посмел смять гусеницами образ вождя. Пехотинцы тоже не стреляли, чтобы не повредить памятник, который лежал на руинах пьедестала.

Пока в рукопашной схватке красноармейцы добивали врага, к парковому перекрёстку подкатили немецкие бронемашину. Наши танкисты их заметили, и ближайший к ним танк, взревев двигателем, рванулся на немцев, стреляя из орудия и пулемётов. Один бронетранспортёр загорелся. Из него выскочили фашисты и были тут же скошены пулемётным огнём. Второй выстрел разнёс вторую бронемашину. Третья машина продолжала поливать нашу пехоту свинцом. Набирая скорость, «тридцатьчетвёрка» ударила бронемашину и, наползая, стала сминать её, как консервную банку. Из-за дома показалось дуло, а через секунду выполз весь танк, раскрашенный большими чёрно-белыми крестами. Он буквально в упор выстрелил, но наш танк не загорелся, а только обмяк, выпустив клуб грязно-синего дыма, и заглох. От второго попадания он вспыхнул и застыл, как на пьедестале. Пламя огненным шаром охватило две машины: наш танк и немецкий бронетранспортёр. Смерть примирила два враждующих экипажа... По моему лицу текли слёзы, утирала их, а они текли и текли.

Наш второй танк выехал из парка и остановился недалеко от нашей хаты. Его ствол задвигался, готовясь к выстрелу, но немец выстрелил первым. И... промахнулся! Снаряд разорвался рядом. В доме со звоном вылетели рамы. Выстрел... и у немецкого танка медленно сползла гусеница. Дуэль продолжалась. От волнения я плакала и шептала: «Миленькие, попадите». Два выстрела прозвучали одновременно. У немецкого танка свернуло башню, из дыма стали подниматься языки пламени. Танк горел.

Наш же танк не горел, но чёрный дым вокруг него становился всё гуще. Подбежали пехотинцы, вещмешками стали помогать танкистам сбивать чёрные клубы. Вскоре дым стал белый, а потом и прекратился.

Наступила тишина. Страшная, пугающая. Я кубарем скатилась с голубятни.

– Ты куда, Шура? – спросила мама.

– Может, помочь надо!

Выбежав из сарая, на секунду оглянулась. Мама стояла, закрыв ладонью рот, вся голова её была седая. Обезумевшие глаза смотрели на меня умоляюще.

– Мама, танк горит, может, им помощь нужна!

Радость, что увижу своих, гнала меня вперёд. У танка перевела дух.

– Помощь нужна? – обратилась к танкисту.

Увидела обожжённое, измазанное копотью, улыбающееся лицо нашего спасителя. Он сидел на обочине, рукав был в крови.

– Будем жить! Не сильно тут мы вас напугали? Командир танкового взвода лейтенант Головачёв, – представился танкист.

Я помогла перевязать рану. Со всех сторон бежали люди. Плакали, благодарили.

– Не плакать! Нет такой силы, которая победит русский дух!

– Товарищ лейтенант, вас комбат вызывает! – доложил радист.

– Тащи сюда переносную радиостанцию. Я доложу. – Лейтенант потерял много крови, даже встать не мог.

– Заслон, Заслон! Что у вас происходит? Почему долго не докладываете? Как обстановка?

– Волга три, я Заслон! Враг остановлен на указанном рубеже. Уничтожено два танка, три бронемшины, живой силы противника – до роты. Наши потери – один танк, экипаж сержанта Дайнеко; из приданного десанта – четверо раненых, один тяжело, убитых нет. Население эвакуируется в направлении Сталинграда. Командир передового отряда лейтенант Головачёв...

Вот таким я запомнила вашего деда. Мы всем хутором эвакуировались за Волгу. Домой вернулась только в конце 1943 года. А в 1944 году, работая с архивами госпиталя, я случайно узнала, что танк лейтенанта Головачёва горел, весь экипаж героически погиб в декабре 1942-го. С 1944 года мы с ребятами и ухаживаем за этой братской могилой... А вы не дадите нам фотографию? Мы её в школьном музее выставим!

– Спасибо вам за память, за рассказ. Конечно, подарим в ваш музей, даже уже приготовили, перефотографировали с подлинника. – Мы протянули фотографию.

Ребята обступили учительницу, рассматривая фото.

– Пойдёмте, покажем наш хутор! – предложила Александра Ивановна.

С каким-то непонятным трепетом шли мы по тем местам, где вёл свой бой наш дед. Хутор разросся, отстроился, стал называться селом. Асфальтированные дороги, каменные дома, большой клуб в центре парка. На озере резвилась детвора...

По приезде домой мы всё рассказали бабушке Саше, показали фотографии, которые сделали у обелиска и в школьном музее. Она утирала платочком слёзы и улыбалась, слушая нас. Потом достала последнее письмо мужа, похоронку и положила туда же фотографию обелиска, где на белом фоне золотыми буквами было написано: «Головачёв Илья Никитович». Мы вышли из бабушкиной комнаты, не мешая ей разговаривать с тем, кого любила и любит.

Рано утром мы проснулись от приятного запаха, идущего из кухни. Заглянули. У плиты со сковородкой в руке стояла наша бабуля.

– Проснулись?.. Давайте-ка за стол. Блины стынут.

– Тоненькие, с хрустящим ободочком по краю! Бабуля, только ты такие вкусные печёшь!

– Вот и Ильюшка их любил. Сегодня приснился мне, просил блинчиков напечь на завтрак. А на обед борща просил. Так что обедать борщом будем!

Раньше, когда мы слышали от бабушки эти слова, то не принимали их всерьёз. А после поездки в Волгоград всё как-то изменилось и стало как будто реальным.

До конца своих дней она помнила и нам не давала забывать деда Илью. Вы будете удивлены, но это факт. Она умерла ровно через пятьдесят лет после гибели своего мужа, в декабре 1992 года. Совпадение это или какая-то мистическая загадка?! За неделю до смерти она ходила какая-то счастливая.

– Всё, дорогие мои! – говорила она нам то ли в шутку, то ли всерьёз. – Детей вырастила, правнуков понянчила, пора мне в дальнюю дорогу собираться, муж меня заждался, уж пятьдесят лет ждёт.

Впереди показался наш дом. Внуки всё это время шли молча, слушали меня. Я посмотрел на них. Лица серьёзные. Поняли или нет мой рассказ? Внук поднял на меня свои глазки:

– Деда, от твоих рассказов о блинчиках мне кушать захотелось.

– И мне тоже, – поддержала брата внучка.

Мы взбежали по лестнице и остановились у двери. Разом потянули воздух и переглянулись: ароматный запах блинов ударил в нос.

– Деда, подними меня, пожалуйста, до кнопки. Я хочу сам позвонить.
Дверь открыла бабушка Таня. Она была в переднике, а в руках держала полотенце.
– А! А! А! Я знаю, что у нас сегодня за вкусняшка! – закричал внук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.